

На правах рукописи

ЗАЙЦЕВА Татьяна Ивановна

**УДМУРТСКАЯ ПРОЗА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА:
ЧЕЛОВЕК И МИР, ЭВОЛЮЦИЯ, ОСОБЕННОСТИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ**

Специальность 10.01.02 –
Литература народов Российской Федерации
(финно-угорская)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Саранск – 2009

Работа выполнена на кафедре финно-угорских литератур ГОУ ВПО
«Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева»

Научный консультант: доктор филологических наук профессор
Демин Василий Иванович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук профессор
Пахорукова Вера Васильевна

доктор филологических наук профессор
Мышкина Альбина Федоровна

доктор филологических наук профессор
Киндикова Нина Михайловна

Ведущая организация: Удмуртский институт истории, языка и
литературы УрО РАН

Защита диссертации состоится « » декабря 2009 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.117.09 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева» по адресу: 430000, г. Саранск, ул. Большевистская, 68.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева».

Автореферат разослан « ____ » _____ 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

А. М. Гребнева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В настоящее время литературоведами Урало-Поволжья с особой остротой ставится вопрос о необходимости сравнительно-типологического подхода к изучению национальных литератур и локальных культур региона и страны¹. В. Родионов пишет: «Созрел вопрос о написании академических трудов по истории литератур отдельных регионов. Идея создания подобного исследования по региону Урало-Поволжья... официально прозвучала на III Всероссийской конференции финноугроведов (г. Сыктывкар, 1–3 июля 2004 г.), в резолюцию которой было занесено предложение о проведении в г. Чебоксары круглого стола по выше названной проблеме. В рамках межрегиональной конференции «Ашмаринские чтения» (г. Чебоксары, 21–22 октября 2004 г.) состоялся специально посвященный данной проблеме круглый стол»². Однако прошедшие годы не дали очевидного продвижения вперед в реализации данного замысла, поскольку попытка комплексного изучения коллективного литературно-художественного опыта региона связана с такой серьезной проблемой, как слабая освещенность литературной жизни в национальных республиках за последние десятилетия. Монографические исследования наших ученых, как правило, заканчиваются обзором литературы 1970-х – начала 1980-х годов. Чтобы представить общую художественную систему литературы региона, понять внутренние закономерности национального литературного процесса, предвидеть характер межнациональных связей литератур, необходимо выявить реальную картину развития каждой отдельно взятой национальной литературы.

Актуальность исследования. Диссертация направлена на исследование основных свойств и особенностей удмуртской литературы второй половины XX – начала XXI в., выявление художественного своеобразия наиболее значительных явлений национального искусства художественного слова. Постигание доминантных признаков общих тенденций развития удмуртской прозы, дающее возможность представить национальную литературу как самобытную целостную систему, – актуальная задача, стоящая сегодня перед нашими литературоведами. В реферируемой диссертации внимание сосредоточено на одном из фундаментальных аспектов проблемы национального художественного слова, а именно – изучении присущего литературе понимания человека и мира. «Человек, – писал М. Бахтин, – организующий формально-содержательный центр художественного видения, притом данный человек в его ценностной наличности в мире»³. Человек

¹ См.: Галимуллин Ф. Г. Актуальные задачи литературоведов Поволжья // Проблемы филологии народов Поволжья : Межвуз. сб. науч. ст. – М. ; Ярославль, 2007. – Вып. 1. – С. 3–7, Родионов В. Г. Особенности истории литератур народов Урало-Поволжья (до 30-х гг. XX в.) // М. П. Петров и литературный процесс XX века : Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения классика удмурт. лит. : сб.ст. / отв. ред.: С. Т. Арекеева, Т. И. Зайцева. – Ижевск, 2006. – С. 48–54, Созина Е. К. Об «Истории литературы Урала» : предисловие к проекту // Литература Урала : история и современность : сб. ст. / отв. ред. Е. К. Созина. – Екатеринбург, 2006. – С. 7–17, Пахорукова В. В. Коми-пермяцкая проза в контексте пермских литератур. Автореферат дис... доктора филол. наук. Казань, 1997. 42 с и др.

² Родионов В. Г. К проблеме создания истории литератур народов Урало-Поволжья // Родионов В. Г. Этнос. Культура. Слово / сост. А. Н. Лукина. – Чебоксары, 2006. – С. 533.

³ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. – М. : Искусство, 1979. С. 162.

и его взаимоотношения с окружающим миром – коренная проблема удмуртского художественного сознания, благодаря которой литература на каждой стадии развития обретала свою основную созидательную силу, обозначала духовно-нравственные константы собственного бытия. В условиях утверждения идеи всеобщего обезличивания жизни, падения ценности человека как индивидуума и кризиса искусства особую актуальность приобретает изучение опыта литератур малочисленных народов, которые одними из первых решают проблему сопротивляемости личности натиску глобализационных процессов в современном мире.

То, что глобализация заостряет вопрос о бытии национальной литературы до предела, свидетельствуют конфликты, развернувшиеся внутри сообщества представителей удмуртской культуры. В республике уже несколько лет дебатировался вопрос о том, находится ли национальная литература в состоянии кризиса, упадка, деградации или, видоизменяясь, продолжает развиваться, искать новые художественные формы, способные передать неоднозначное авторское ощущение себя и окружающего мира. Среди публичных выступлений широкий отклик получила публикация в газете «Инфо-Панорама» интервью «Художнику в условиях рынка на помощь государства лучше не надеяться» с известным в республике политиком и культурологом А. Г. Красильниковым. В оценках перспектив национального культурного пространства автором интервью занята пессимистическая позиция и высказан ряд мрачных прогнозов: «...вряд ли она (литература – Т. З.) найдет свое место на рынке»⁴. Против суждений, проникнутых недоверием к жизнеспособности национальных традиций в современном мире, выступили председатель Союза писателей УР Е. Е. Загребин, председатель Союза композиторов УР А. Г. Корепанов, критик А. Шкляев. Два полюса этико-эстетических взглядов о месте удмуртской литературы в современном «глобализирующемся» мире иллюстрируют также заголовки статей в газете «Удмуртская правда». «Путь к себе лежит через Европу» – называют свое интервью главный редактор молодежного журнала «Инвожо» («Солнцеворот») П. Захаров и арт-редактор журнала А. Арзамазов⁵. «Путь в Европу начинается с Родины» – не соглашаются с ними Е. Загребин и другие удмуртские писатели⁶.

Полемизирующие стороны, по-разному оценивающие современное состояние удмуртской литературы и ее исторические перспективы, сходны в том, что их высказывания носят эмоциональный характер, оторваны от живой литературной практики, их точка зрения выстраивается без учета данных филологического анализа. Таким образом, аналитическое обоснование проблем и перспектив развития национальной литературы на современном этапе – актуальная и насущная задача, ибо лишь выверенные анализом конкретных произведений и проиллюстрированные их цитированием научные рассуждения позволяют взглянуть на историю раз-

⁴ Красильников А. Г. Художнику в условиях рынка на помощь государства лучше не надеяться // Инфо-Панорама. – 2004. – 26 февраля.

⁵ См.: Захаров П. М., Арзамазов А. А. Путь к себе лежит через Европу: Интервью по поводу // Удмуртская правда. – 2005. – 30 ноября.

⁶ См.: Загребин Е. Е. Путь в Европу начинается с Родины // Удмуртская правда. – 2006. – 18 января.

вития удмуртской литературы в ее многоаспектных связях с эпохой, определить потенциальную значимость возникновения в ней самобытных явлений.

О том, что духовно-нравственные, художественные поиски удмуртских писателей нуждаются в непредвзятом теоретическом обсуждении с привлечением новых эстетических концепций и методологических критериев анализа, свидетельствуют также дискуссии вокруг термина «этнофутуризм» (подробный анализ эстетической ситуации рубежа XX–XXI вв. дан в гл. 3.1). В этом плане особую актуальность приобретает выбор направления нашего исследования, т. к. «теория художественного человековедения» является универсальной эстетической категорией, дающей ключ к пониманию внутреннего механизма национального литературного процесса, его исторической изменчивости, связей с обществом, культурными традициями народа. Предложенный в диссертации аспект изучения динамики удмуртской литературы позволяет по-иному осмыслить содержательный потенциал произведений наших авторов, написанных в 1960–1980-е годы, сделать акцент на актуальных для современного читателя и исследователя проблемах. Такой подход продуктивен и по отношению к текущей художественной практике (1990–2000-е гг.), т. к. дает возможность привести новейший литературный материал в определенную систему.

Важнейшее значение для характеристики проблемы человека и мира в удмуртской прозе имеет изучение системы духовно-нравственных, этнических ценностей, отстаиваемых национальной литературой. Актуализация важнейших представлений национальной литературы о сущности человека, сложившихся в недрах народных традиций и проецируемых на социально-исторический контекст текущего времени, является назревшей проблемой. Актуальность наших принципов анализа образа человека в удмуртской прозе состоит также в том, что в работе используется идея междисциплинарного подхода, позволяющего учитывать достижения философской антропологии, социально-психологические и культурно-исторические факторы, повлиявшие на формирование национального характера.

Цель и задачи исследования. Цель диссертационного исследования состоит в том, чтобы выявить особенности осмысления образа человека и мира в удмуртской прозе 1960–2000-х годов и начала XXI века, определить актуальные тенденции художественного раскрытия личности в произведениях национальных авторов. Реализация цели предполагает решение следующих задач:

- показать динамику образа мира и человека в удмуртской прозе указанного периода, проследить эволюцию взглядов удмуртских писателей на проблему взаимоотношений человека и мира, отразившуюся в развитии образной системы их произведений;
- определить ведущие тенденции и направления в движении современной удмуртской прозы с точки зрения обозначенной проблемы;
- выявить в литературе анализируемого периода типологию конфликта, определить его роль в структурировании образа главного героя в связи с освоением литературой сложных форм психологического анализа;

– обозначить особенности воплощения образа человека и мира в жанровом, жанрово-стилевом аспектах (роман, повесть, рассказ, писательские воспоминания, документалистика и др.);

– выявить роль и значение мифо-фольклорных традиций в развитии новых художественных структур, направленных на освоение современной действительности в связи с этнокультурными и этнофилософскими особенностями художественного мышления национальных писателей;

– исследовать особенности познания мира и человека удмуртской литературой «массового» характера;

– определить особенности проявления в современной удмуртской прозе религиозно-нравственных традиций, объяснить их роль в формировании самосознания национальной литературы;

– проанализировать философскую доминанту в современной удмуртской прозе, определить роль этой доминанты в развитии перспектив новой литературы.

Объект исследования – удмуртская проза второй половины XX – начала XXI в. Рассмотрение обозначенных задач осуществляется на основе анализа ключевых произведений ведущих удмуртских писателей. Выбор имен определяется необходимостью охарактеризовать основные литературные направления и течения, подбор произведений дает представление об альтернативности литературных явлений.

Предмет исследования – доминантные признаки общих тенденций развития удмуртской прозы указанного периода в осмыслении проблемы человека и мира.

Методологической и теоретической основой диссертации являются труды ведущих литературоведов, критиков, культурологов: М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана, С. Г. Бочарова, А. Ф. Лосева, Г. Д. Гачева, Г. И. Ломидзе, М. Б. Храпченко, Г. Н. Пospelова, А. С. Бушмина, В. Н. Топорова, Е. Б. Есина, В. Е. Хализева, Л. В. Чернец и др. Теоретико-методологическую базу диссертации также составили работы финно-угорских литературоведов и исследователей национальных литератур Урало-Поволжья – А. А. Ермолаева, З. А. Богомоловой, В. М. Ванюшева, А. С. Зуевой, А. Г. Шкляева, К. К. Васина, Г. Н. Сандакова, Н. И. Черепкина, Е. И. Чернова, А. И. Брыжинского, В. И. Демина, В. М. Макушкина, Т. И. Кубанцева, В. В. Пахоруковой, Н. В. Буриловой, В. А. Латышевой, Г. И. Федорова, В. Г. Родионова, Г. Б. Хусаинова, А. Х. Вахитова, Р. Н. Баимова и др.

Говоря о методологической основе исследования, необходимо указать на особую значимость для нас трудов тех ученых, в которых разработана концепция человека в художественной литературе. Это работы М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева, Л. Я. Гинзбург, А. Г. Бочарова, А. А. Газизовой, Л. А. Колобаевой, А. П. Герасименко, В. М. Головки, Ю. М. Павлова и др. Специфика представлений о мире и человеке в удмуртской литературе сопряжена с проблемой национального характера. Существует множество определений понятия «национальный характер». История исследования понятия «национальный характер» и мнения современных ученых об этой категории обобщены в работе Р. Хайруллина⁷. Непосредственное

⁷ См.: Хайруллин Р. З. Теория и методика изучения литературы народов России в школе. М., 1999. С. 13–18.

отношение к рассматриваемой в диссертации теме имеют исследования отечественных ученых, заложивших основы изучения национального характера в литературах народов России. Это работы Г. Ломидзе, Н. Джандильдина, Ю. Суровцева, И. Кона, Н. Воробьевой, С. Хитаровой, Л. Арутюнова, Л. Якименко, Р. Бикмухаметова и др.

В связи с проблематикой диссертационного исследования неизбежно встает вопрос об употребляемости термина «национальный образ мира». Однозначного определения этого понятия учеными не выработано. Серьезный анализ его употребления в различных областях науки проделан в статьях С. В. Шешуновой⁸ и А. Д. Хуторянской⁹. В литературоведении как взаимозаменяемые используются понятия и выражения «картина мира», «образ мира», «модель мира», «художественный мир прозы», «картина поэтического мира», «мир писателя» и др. Главное же в «картине мира» или «образе мира», представляемом литературой того или иного народа, – это связи и взаимоотношения человека и окружающего мира, человека и действительности, как бы эти связи не объяснялись, какими бы изобразительными средствами не были выражены. В понимании категорий «образ мира», «картина мира», используемых в диссертационной работе в качестве синонимичных рабочих терминов, опорой для нас служат труды таких известных культурологов, философов, психологов, как Г. Гачев, Ю. Лотман, А. Лосев, Л. Гумилев, М. Каган, М. Хайдеггер, Ж. Делез и др.

В диссертации используются историко-литературный, историко-генетический, проблемно-эстетический, структурно-семантический методы исследования. Проблема преемственности традиций, вопрос об авторской позиции, жанрово-стилевые особенности произведений рассматриваются в работе в связи с методологией анализа художественной концепции человека.

Научная новизна и степень разработанности проблемы. Предлагаемая диссертация представляет собой одну из первых попыток монографического исследования удмуртской прозы второй половины XX – начала XXI века в аспекте художественного раскрытия проблемы человека и мира, объединяющей различные формы проявления ее национального своеобразия. В работе впервые выявлена концепция человека в удмуртской прозе в соотношении с главными этапами развития национальной литературы, а также в тесной связи с историей страны, общества, народа. Осмысление особенностей интерпретации мира и человека в удмуртской прозе обусловило выделение таких мало изученных в национальном литературоведении проблем, как философско-мировоззренческие основы творчества национальных писателей, типология героя и конфликта, модификация жанровых и стиливых форм, мифо-фольклорно-литературные взаимосвязи, художественная

⁸ См.: Шешунова С. В. Национальный образ мира как категория этнопоэтики русской словесности // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. научных трудов. Вып. 5 / отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2008. С. 5–16.

⁹ См.: Хуторянская А. Д. Параметры художественной картины мира в литературоведении // Картина мира в художественном произведении: материалы Международной научной интернет-конференции (20–30 апреля 2008 г.) / сост.: Г. Г. Исаев, Е. Е. Завьялова, Т. Ю. Громова. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. С. 3–5.

пространственно-временная организация произведения, принципы изображения человека. В работе представлен материал, который в большинстве в своем впервые рассматривается под соответствующим углом зрения или впервые становится объектом литературоведческого анализа. Это прежде всего произведения, созданные на новом историческом этапе развития литературы, – середина 1980-х – 2000-е годы и начало XXI в. Концепция диссертации, не настаивая на бесспорности отдельных выводов и заключений, потенциально открывает новые направления в изучении национальных литератур региона и страны.

В удмуртском литературоведении монографических работ, посвященных изучению современной национальной прозы, к сожалению, нет. Не представляется возможным назвать и такие работы, где самобытная, индивидуальная концепция мира и человека была бы разносторонне описана на материале творчества отдельных удмуртских авторов. Необходимо указать и на весьма скудную разработку удмуртскими учеными проблемы современного «прочтения» литературного наследия 1960–1970-х гг. Но при этом в удмуртском литературоведении существует немало интересных и ценных исследований по различным аспектам национальной прозы, оказавших существенную помощь в написании данной диссертации. Прежде всего опорой нашей диссертации служит академическое издание «Истории удмуртской советской литературы» (1988) в 2-х томах, а также ряд общих трудов по истории развития удмуртской литературы XX века: «Очерки истории удмуртской советской литературы» (1957), «Счет предъявляет время» (1977), «Вопросы истории и поэтики удмуртской литературы и фольклора» (1984), «Проблемы эпической традиции удмуртского фольклора и литературы» (1986), «Движение эпохи – движение литературы. Удмуртская литература XX века» (2002) и др.

Важнейшее значение в изучении удмуртской прозы имеют работы отдельных авторов, для которых характерно стремление сочетать историко-литературный анализ материала с постановкой некоторых принципиальных, имеющих теоретическое значение вопросов. Пути и проблемы развития удмуртской прозы сквозь призму динамики жанра рассмотрены в работе Ф. Ермакова «Путь удмуртской прозы» (1975). Идеино-художественное многообразие творческих исканий удмуртских писателей показано в книге З. Богомоловой «Песня над Чепцой и Камой» (1976, 1981). Исследование особенностей проявления национального и интернационального в удмуртской литературе содержится в монографии В. Ванюшева «Расцвет и сближение: О типологии соотношения национального и интернационального в удмуртской и других младописьменных литературах» (1980). Генезис удмуртского романа и его структурные особенности явились предметом исследовательского внимания в работе А. Зуевой «Поэтика удмуртского романа» (1984). В ее же книге «Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций» (1997) сделана попытка осмыслить религиозно-нравственные начала в творчестве удмуртских писателей. Под идеей преемственности и новаторских исканий рассмотрена динамика развития удмуртской прозы в соответствующих разделах книги А. Шкляева «Времена литературы – времена жизни: Статьи об удмуртской литературе» (1992). Проблематика и поэтика произведений известных удмуртских прозаиков исследована в статьях А. Ермолаева, вошедших в его

книгу «Заметки нестороннего. Статьи, рецензии об удмуртской литературе» (2005).

Коллективными усилиями удмуртских ученых и литераторов изданы книги воспоминаний о Г. Красильникове и С. Самсонове, представившие читателю богатый материал из личных архивов писателей. Это работы «Г. Д. Красильников – писатель и человек: Статьи, воспоминания» (1982), «"А я остаюсь с тобою...": жизнь и творчество Геннадия Красильникова: статьи, воспоминания, стихи, дневник, письма» (2008), «Воспоминания о Семене Самсонове: Статьи, воспоминания, письма» (2000). При всей научной весомости всех названных здесь изданий во многих из них дала себя знать известная приверженность к идеологии времени, в результате чего весьма ценные и перспективные суждения об удмуртской литературе не смогли до конца проявить свое отношение к ее национальному своеобразию, сформировавшейся в ней системе принципов художественного изображения человека и мира.

Удмуртская проза и творчество больших самобытных национальных прозаиков стали предметом исследования не только отечественных литературоведов, но и зарубежных ученых¹⁰. К настоящему времени некоторые работы зарубежных исследователей переведены на русский и удмуртский языки¹¹. В диссертации активно использован литературно-критический и научный материал периодической печати.

Положения, выносимые на защиту.

– Возрождение национальной идентичности в удмуртской литературе 1960-х годов тесно связано с обновлением идеи художественного конфликта, которая включает в себя стремление автора вернуться к оценке мира и человека с помощью национальных и общечеловеческих критериев. Развитие этой идеи в системе художественных конфликтов удмуртской прозы оказалось устойчивым на протяжении нескольких десятилетий и во многом определило своеобразие последней.

– Национальное мироощущение определяет и эволюцию концепции героя в удмуртской литературе. Создавая образ человека в его взаимоотношениях с окружающим миром, авторы удмуртской литературы на всех этапах ее развития связывали комплекс «положительных» качеств героя не столько с идеологией эпохи, сколько с особенностями национального характера, его устойчивыми психологическими чертами.

– Жанровая специфика удмуртской прозы не может быть до конца объяснена вне ее связи с концепцией национального самосознания. Так, наряду с идеологическими и общекультурными тенденциями в масштабах страны, провозгласившими роман ведущим жанром 70–80-х годов XX века, в удмуртской прозе «периода

¹⁰ См.: Domokos P. *Literaturen finnisch-ugrischer und samojedischer Völker in der Sowjetunion* // NAWG. – 1977. – №2. – С. 3–28, Sallamaa K. *Uralic philosophy and ethnofuturism as basis for finno-ugric literature* // V Международный конгресс финно-угорских писателей : сб. докл. и выступ. – Сыктывкар, 1999. – С. 24–31, Toulouze E. *Critique et creation littéraire en oudmourtie: la voix originale de Viktor Šibanov* // *Etudes finno-ougriennes*. – Paris, 2002. – Т. 34. – С. 43–68.

¹¹ См.: Домокош П. *История удмуртской литературы* / пер. с венг. В. Васовчик. – Ижевск : Удмуртия, 1993. – 445 с., Салламаа К. *Этнофутуризм но Урал литератураос* = [Этнофутуризм и уральские литературы] // *Кенеш*. – 1996. – № 6. – С. 60–63 и др.

застоя» неофициально ключевую эстетическую роль играет рассказ, который дает возможность в частном психологическом конфликте поставить проблему национальной самобытности. Жанр «производственного» или «колхозного» романа в удмуртской прозе также осложняется специфически-авторскими чертами, связанными с национальным пониманием мира и человека.

– В «постперестроечный» период в удмуртской литературе неизмеримо возрастает роль творческой индивидуальности. Как следствие этого эстетика постсоветской удмуртской литературы формируется в творчестве зрелых, известных писателей, т.е. замена одного эстетического кода другим связана главным образом не со сменой творческих поколений писателей и даже не с новыми именами, а с новыми творческими установками и произведениями авторов старшего и среднего поколений. Определяющим фактором в движении удмуртской литературы становится эволюция индивидуального творческого сознания писателя, которая основывается на расширении границ национально-эстетического сознания.

– В удмуртской прозе 1990–2000-х годов наряду с индивидуально-художественным фактором приобретают определенное эстетическое значение объединяющие литературные тенденции, направления: этнофутуризм, религиозно-христианское направление, эстетика «массовой» литературы. Важнейшим направлением в развитии этого периода становится документально-художественная, мемуарно-биографическая проза. Ее динамичное развитие определяет процесс формирования культурных форм новой писательской идентичности, поисков национальным художником своего места в новом историческом пространстве.

– Особое значение в развитии специфики удмуртской литературы принадлежит удмуртской мифологии как одной из важнейших основ национального мирозерцания. Роль национальной мифологии на рассматриваемом нами отрезке развития удмуртской литературы не может быть сведена только к сознательному творческому усвоению и переработке сюжетов и образов, символика мифа проявляется у многих удмуртских писателей подсознательно, что в конечном итоге лишь усиливает его эстетическое и нравственное влияние на художественный мир произведения.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты, достигнутые в ходе исследования, могут быть использованы при написании новой академической «Истории удмуртской литературы», вузовских и школьных учебников. Работа востребована в практике университетского преподавания целого ряда лекционных курсов: «Литература народов России», «Литература финно-угорских народов», «История удмуртской литературы» и др., спецсеминаров и спецкурсов. Диссертационное исследование послужит опорой для дальнейших разработок в области сравнительного литературоведения, его материалы послужат базой для прогнозирования культурной политики в республике и регионе.

Апробация диссертации. Основное содержание диссертации отражено в двух монографиях, сборнике научных статей, учебно-методических пособиях и программах вузовских курсов, статьях, опубликованных в различных научных изданиях, в том числе в журналах, входящих в перечень ВАК. По теме исследования прочитаны доклады на Международных финно-угорских конгрессах (Ювяскюля,

1995; Тарту, 2000; Йошкар-Ола, 2005), Всероссийских научных конференциях финно-угроведов (Саранск, 2000; Сыктывкар, 2005), Всероссийских научных конференциях «Литература Урала: Проблема региональной идентичности и развитие художественной традиции» (Екатеринбург, 2006), «Литература Урала: Автор как творческая индивидуальность (региональный и национальный аспекты)» (Екатеринбург, 2007), «Литература Урала: Локальные тексты и типы региональных нарративов» (Екатеринбург, 2008), «Проблемы филологии народов Поволжья» (Москва, 2007; 2009), Межвузовских научно-практических конференциях «Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения» (Санкт-Петербург, 2004; 2005), Российских университетско-академических научно-практических конференциях (Ижевск, 1997; 1999; 2001; 2003; 2005; 2007). Результаты диссертации излагались также в выступлениях на Международных научных и научно-практических конференциях, посвященных проблемам развития языка и культуры, – «Язык, литература, культура: диалог поколений» (Чебоксары, 2003), «Русское литературоведение в новом тысячелетии» (Москва, 2004), «75 лет высшему образованию в Удмуртии» (Ижевск, 2006), «Продвижение имиджа регионов России (Продвижение имиджа Удмуртии: опыт и перспективы)» (Ижевск, 2007), «Духовная традиция в русской литературе. К 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства» (Ижевск, 2008), межрегиональных – «Материальная и духовная культура Поволжья и Урала: История и современность» (Глазов, 2002; 2005), «Коми-пермяки и финно-угорский мир» (Кудымкар, 2005), «Историко-педагогический опыт и проблемы разработки учебно-методических изданий на современном этапе» (Ижевск, 2007).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, включающей 488 наименований. Объем диссертации – 404 страницы. Главы и параграфы диссертации разнородны по своему объему, что определяется рассматриваемым материалом и проблематикой соответствующих разделов. Выделяется большим объемом глава, посвященная удмуртской прозе 1990–2000-х годов, поскольку она складывается на основе мало используемого в литературоведческом обиходе материала.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, рассматривается степень разработанности его темы, определяются цели и задачи, научная новизна диссертации, формулируются положения, выносимые на защиту, характеризуется теоретическая и методологическая база работы, определяется ее научное и практическое значение.

Первая глава диссертации «**Удмуртская проза конца 1950-х – начала 1970-х годов: концепция мира и человека, типология конфликта, художественные открытия**», состоящая из трех параграфов, посвящена исследованию становления художественной специфики удмуртской прозы периода «оттепели» и основных тенденций ее развития. Акцент делается на раскрытии типологии и эволюции

конфликта, который играет ведущую роль в воспроизведении удмуртскими писателями образа мира и человека. В первом параграфе «Смена идейно-эстетических ориентиров панорамно-эпического романа в творчестве И. Гаврилова и Т. Архипова» речь идет о том, что в удмуртской прозе с конца 1950-х гг. начался динамичный процесс формирования новых эстетических и художественных принципов: развитие и углубление психологизма, борьба с описательностью и политизированной иллюстративностью, реабилитация фольклора, родного языка и народной точки зрения на мир и человека, ориентация на традиции литератур, имеющих большой исторический опыт, и прежде всего – русской. В работе обоснована мысль, что литература настойчиво стремилась сформировать в национально-общественном сознании идею самоценности каждого отдельного человека. В работе охарактеризована сложность, неоднозначность и противоречивость общественного и культурного развития в республике тех лет.

Прорыв удмуртской прозы на качественно иной уровень художественного развития связан в первую очередь с творчеством писателей Г. Красильникова (1928–1975) и Р. Валишина (1937–1979). Существенным аспектом в подходе этих писателей к изображению мира и человека было то, что они стремились понять и художественно постичь суть характера современника, сосредоточить свое внимание на самобытных основах его личности, выявляя в нем традиционно-деревенское и одновременно то новое, что рождало изменившееся время. Чтобы показать роль и значение Красильникова и Валишина в обновлении поэтики удмуртской прозы, в параграфе в качестве сопоставительно-фонового материала проанализированы произведения писателей старшего поколения, начавших свой путь в литературе до войны. Это роман-трилогия И. Гаврилова «Вордиськем пальёсын» («В родных краях», 1958–1963), роман-диалогия Т. Архипова «Лудзи шур дурын» («У реки Лудзинки», 1949–1957) и его же роман «Адымилэн чеберез» («Красота человека», 1962), повесть М. Петрова «Зардон азын» («Перед рассветом», 1954). Относительно специфики художественных особенностей анализируемых произведений в работе выделены такие их черты, как тяготение к монументальности, к развернутому эпическому повествованию. Несмотря на перегибы идеологического и политического планов, однозначная оценка этих романов невозможна. В работе отмечается, что формы и приемы удмуртской советской классики складывались в непростых отношениях с фольклором, традициями народной культуры.

Особую трудность для становления новых жанров удмуртской прозы представляло развитие емких повествовательных форм, раскрывающих индивидуальное начало в народной жизни. В центре внимания писателей старшего поколения чаще оказывался образ колхозного руководителя, борющегося за устранение недостатков в народном хозяйстве. Интерес литературы к вопросам партийного и советского руководства, столь ярко проявившийся в русской литературе в «овечкинский период», рассматривался нашими писателями на материале жизни своего народа. Эволюция национальной картины мира в прозе изучаемого периода наиболее четко просматривается в творчестве Т. Архипова (1908–1994). Важное достоинство его романа «У реки Лудзинки» – конкретность локального национально-

го мира, умение видеть «первоэлементы» этого мира народным умом и душой. Другая сильная сторона романа – критика негативных социальных явлений, принесенных новым временем, с позиции народных гуманистических идеалов. В этих случаях автор ориентируется на «натуру», язык народа, просторечный юмор, перерастающий в сатиру. Неся в себе характерные черты исканий советской литературы 1960-х годов, архиповский роман углублял в удмуртской литературе возможности реалистически-бытовой, аналитической линии.

Новую ступень в разработке современной тематики удмуртской литературы отражает роман Т. Архипова «Красота человека», посвященный жизни строителей Камской гидроэлектростанции. Роман этот многогероен, но он сильно отличается от панорамных полотен прежних лет. Авторская активность способствует трансформации описательно-повествовательной структуры в изобразительную, что придает произведению особую экспрессию. В диссертации выявлены механизмы взаимодействия разных эстетических тенденций в художественном мире удмуртского романа. Так, указанный тип конфликта, – открытое противостояние героев-антиподов, персонифицирующих противоположные социально-общественные силы, – являясь, с одной стороны, наследником модели классового противопоставления, одновременно был и преемником бинарной традиции фольклора. В романе Т. Архипова действуют художественные законы, вобравшие в себя традиции фольклора, принципы натурализма и революционного романтизма, «сплавленные» с приемами советского реалистического искусства. Рассмотренный в произведениях И. Гаврилова, Т. Архипова, М. Петрова тип конфликта отражает процесс рождения в недрах народного самосознания сознания социального, аналитического.

Во втором параграфе **«Проза Г. Красильникова: постижение внутреннего мира человека, народные истоки творчества, своеобразие психологизма»** прослеживается выход литературы на новый уровень художественного постижения личности, который во многом связан с трансформацией внешнего конфликта во внутренний, психологический. В работе текстуально доказывается, что творчество Г. Красильникова обозначило в удмуртской литературе 1960–70-х гг. тенденцию психологически углубленного изображения мира и человека, обусловившую интеллектуализацию национальной прозы. Этапными для эволюции национального литературного самосознания стали его лирическая повесть «Тонэн кылысько» («Остаюсь с тобой», 1960), проблемно-философский роман «Арлэн кутсконэз» («Начало года», 1965), социально-психологический рассказ «Кошкисез мед кошкыз» («Уходящий пусть уходит», 1971). В то время, как многие удмуртские писатели оттеняли в своих героях прежде всего исключительные, волевые качества, Г. Красильников стремился изобразить современника «со всеми его определениями»: национальными, родовыми, социальными, психологическими, моральными, внутренними и внешними, в их совокупности и взаимосвязи.

Повесть «Остаюсь с тобой» написана от лица молодого героя, выпускника сельской школы. «Бунтующий» герой русской «молодежной» прозы 1960-х годов в поисках своего места в жизни часто выбирал далекие дороги и чужедальные края. Поиски красильниковским героем своего жизненного предназначения связа-

ны с возвращением молодого человека в отчий дом, с осознанием себя частью родного края. Удмуртский писатель, будучи подверженным тем же творческим проблемам и поискам, что и авторы русской «молодежной» прозы того времени, реагирует на это соответственно личностному и национальному опыту, традициям крестьянской нравственности и особенностям народной жизни. Источник драмы героев Красильникова в том, что в них не расцвело подлинно личностное, неповторимо индивидуальное начало, национальное самосознание и достоинство. Красильников раньше и пронизательнее других удмуртских писателей почувствовал надвигающуюся трагедию вырождения деревни, забвения национальных традиций, появления маргинальных типов. Проблемы «маргинального мира» окажутся в центре внимания удмуртской литературы лишь на рубеже XX – XXI веков.

Изображение атмосферы повседневного национального жизненного уклада достигается в повести за счет нового для удмуртской литературы тех лет способа сюжетосложения: ослабление событийной основы, выход на первый план разноплановых душевных состояний героя. Открытое противостояние героев-антиподов уступает место внутреннему становлению характера человека, обусловившего размывание контрастного принципа построения образной системы произведения в целом. Жизнеописание героя дается автором в двух ипостасях. План внешний, традиционный – биографические факты и эпизоды, обрисовывающие общую картину жизни героя. И одновременно писатель прослеживает формирование у героя новых нравственных представлений, пропуская событийную сторону повествования через его сознание. В развитии внешнего сюжета нередко возникают своеобразные паузы, содержащие лирико-философские раздумья героя о молодости, истории народа, судьбе земледельца. Все это формирует своеобразный «внутренний» сюжет, в котором проявляется и лирическое начало повести, и особая форма психологизма в самораскрытии героя.

Новый эстетический уровень постижения удмуртской литературой человека как выразителя национального мира и потенции удмуртской литературы в сфере психологизма выявил роман Г. Красильникова «Начало года». В образах главных героев романа удмуртская литература обрела художественное воплощение проблемы репрессии национальной интеллигенции в годы культа личности, драматической разъятости народной жизни, истории. А это уже само собой восстанавливало в правах национальную реальность, искаженную официальными документами. Авторская концепция мира и человека во многом опередила свое время, поэтому она подверглась жесткой критике, основанной на идеологических, этических, а не эстетических постулатах. Приведенные в диссертации мнения критиков, отражая реальность, на фоне которой развивалась национальная литература, наглядно показывают то, как медленно менялась «художественная атмосфера» в республике.

Поступки и действия героев характеризуются в романе главным образом через их мысли. Многие эпизоды строятся как развернутый внутренний монолог или исповедь героя, писатель умело использует прием перекрестных оценок, сложно опосредованных характеристик, несобственно-прямую речь как средство психологического анализа. При построении образа человека удмуртский писатель отда-

ет предпочтение традициям «косвенной» психологии Тургенева, Чехова. Это помогает раскрытию природы образа: в герое сосредоточена концепция народного миропорядка – человек обязан блюсти свой долг перед предками и потомками, творить добро, но не разжигать зло и месть. Писатель стремился за гранями его натуры увидеть черты «национальной биографии» народа, показать неугасимость созидательных сил нации. Образ несет в себе широкое обобщение.

В третьем параграфе **«Новые принципы художественного изображения мира и человека в малой прозе (Г. Красильников, Р. Валишин)»** предметом исследования является удмуртский рассказ «шестидесятых», осмысливается его роль в смене литературной эпохи. Сюжетно-композиционная система, структура конфликта, поэтика художественного обобщения – круг проблем, позволяющих соотнести конкретный анализ с тенденциями эволюции образа мира и человека в удмуртской прозе.

Многомерный способ подачи героя, проблемная насыщенность малоизученных в удмуртской литературе обстоятельств и коллизий обеспечили особое положение рассказу Г. Красильникова «Уходящий пусть уходит». Непротянутая конфликтная ситуация, реализуясь в сюжетном развитии рассказа, разбивается на составные части и обнаруживает новые черты и качества. Намеченные микроконфликты, соотносясь с различными противоречиями действительности (утрата нравственных начал в труде, отношения рядового колхозника с бюрократившейся местной властью и др.), помогают раскрыться стоящим за внешними обстоятельствами сложным социально-психологическим явлениям и процессам времени, и одновременно объясняют более глубокие мотивы поведения героя. Представленный в диссертации материал дискуссии относительно идейного смысла и эстетического достоинства рассказа интересен тем, что показывает силу полемического заряда, который был заложен писателем в этот жанр и саму атмосферу тех лет. В художественной системе рассказа сошлись оба ракурса проблемы личности и общества – обязанность человека перед обществом и долг, внимание общества к человеку. Писатель провидчески нащупал зерно конфликта в том, о чем более определено и обстоятельно говорит литература сегодня.

Удмуртский рассказ шестидесятых – семидесятых годов искал новые пути художественного освоения народной жизни и вносил структурно-изобразительные коррективы в ее осмысление. Особенно весом и значителен в этом смысле вклад в литературу Р. Валишина. Не вовлеченными в научный оборот и в силу этого почти неизвестными остаются его рассказы «Тополь куаръёс» («Тополиные листья»), «Чырс чумерен шыд» («Кислый суп с клецками»), «Годметъёс» («Приметы»), «Тодьыгубиос» («Белые грибы»). В ходе анализа рассказов определяется, что творчество Р. Валишина является своеобразным мостом между литературой века минувшего и века настоящего, мыслится как явление, подготовившее почву для разработки историософской и этической проблематики. В его произведениях на первом плане отношение героя не просто к событиям текущей жизни, но к событиям и явлениям, запечатленным человеческой памятью. Отсюда – отсутствие инерции «гладкого» сюжета, фрагментарность композиционных построений, смысловая многозначность и уплотненность символики.

В рассказе «Приметы» оживают картины трудных военных лет, в его основе своеобразная поэтика воспоминаний. Убранное хлебное поле сплошь усыпано метками, что ставят для себя женщины и дети, выделяя участки предстоящей работы на долгий трудовой день. В рассказе создается одновременно символически-обобщенный и предметно-конкретный образ отличительного знака – метки: человек в жизни оставляет свои следы, но и жизнь «метит» человека шрамами. Для рассказа характерна насыщенность изысканными словосочетаниями, необычными словоформами, колоритными метафорами и сравнениями, своеобразна ритмическая организованность текста. В рассказе «Белые грибы» обозначилась новая сфера интересов удмуртской литературы – внимание к едва уловимому, скрытому душевному состоянию героя. Поводом к размышлению для рассказчика стали соленые грибы на поминальном столе, накрытому по поводу внезапной смерти товарища по работе. Р. Валишин создал рассказ-предостережение, написал о том, что в каждодневной суете и непомерной спешке исчезает мир естественных и милосердных отношений между людьми, выработанных вековечным трудом на земле и близостью к природе. Трагический исход в сознании рассказчика преломляется неоднозначно. Анализ рассказа показывает, что тропинка, ведущая рассказчика на дачу коллеги, оказалась дорогой не только к загородному дому, но и путем его возвращения к самому себе, к состоянию естественности и простоты.

Подводя предварительные итоги, можно говорить, что герой удмуртской прозы конца 1950-х – начала 1970-х гг. вырастает из опыта литературы предшествующих эпох, что обуславливает его переходную сущность: от героя, ограниченного идеологическими рамками, к свободной личности, осознающей свои национальные корни и человеческую индивидуальность. Ведущей жанровой формой данного периода развития удмуртской литературы является роман, структура которого, по сравнению с романом прошлых лет, трансформируется: эпический конфликт постепенно отходит на второй план и уступает место психологическому. Данный тип конфликта позволяет начать движение к созданию образа нового героя, чей внутренний мир не определяется классовой принадлежностью и в меньшей степени зависит от идеалов конкретной эпохи. При всем драматизме внешних и внутренних сторон народной жизни, отраженных в произведениях «шестидесятников», в понимание мира и человека они стремились внести свое представление о гармоничном и разумном устройстве мира, в котором человек-труженик является подлинным властелином земной красоты, духовного богатства предков. Художественные поиски писателей, попавших в поле зрения нашего анализа, определили пути познания удмуртской прозой национального характера и народного духа, формирование новых средств художественной выразительности, изменение жанровых систем.

Вторая глава диссертации **«Особенности миромоделирования в удмуртской прозе 1970-х – середины 1980-х годов»** состоит из четырех параграфов, в каждом из которых последовательно раскрывается эволюция литературы в понимании и творческом воплощении общественной сущности человека. Разные подходы писателей к изображению мира и человека раскрыты исходя из их эстетических воззрений. В первом параграфе **«Социально-активный герой в прозе С.**

Самсонова и П. Чернова» на материале произведений названных писателей дается анализ обозначенной проблемы, отмечается специфика «производственного» романа в удмуртской литературе, его место и роль в познании мира и человека.

Литературная жизнь семидесятых – восьмидесятых годов, получивших ярлык «застойных» лет, долгое время оценивалась негативно. Удмуртская проза этого времени отмечена подъемом интереса к проблемно-ориентированным произведениям, основной тон в ней задают роман и повесть, как правило, выросшие из очерка и посвященные хозяйственно-производственной жизни колхозов в условиях научно-технического прогресса. В крупных жанрах доминируют представления о мире прежде всего как феномене социальном. Расцвету больших жанровых форм, ориентированных на ту или иную хозяйственно-экономическую проблему, в удмуртской литературе способствовал ряд причин. Это было и искреннее желание писателей масштабно охватить и осмыслить социально-экономические, политические, нравственные проблемы современного мира и народной жизни. Тяготение к объемности и масштабности изображения мира и человека можно объяснить и тем, что на литературную арену выходит поколение писателей, начало становления которых пришлось на предшествующие десятилетия, а в семидесятые годы они обращаются уже к разработке романских форм. Следует отметить и то, что именно крупные романы об индустриализации сельского хозяйства получали одобрение официальной критики, их часто выдвигали на соискание различных литературных премий.

Обращаясь к анализу проблем, связанных с НТР, удмуртские авторы одновременно стремились постичь народный характер, осмыслить универсальные ценности, восходящие к национальному прошлому, и показать передового человека времени, отвечающего требованиям эпохи. Центральным в эстетике романа семидесятых годов становится идея «общей жизни» в обновленном селе или поселке под руководством мудрого и порядочного «человека дела». Характерные черты прозы, нацеленной на познание социально-активной личности, подробно рассмотрены на примере романа-дилогии С. Самсонова «Дыдыкъяс бус полы уг йыромо» («Голуби с пути не сбиваются», 1979). Основой для написания романа послужил очерк «Милям гуртмы Тыло» («Деревенька наша Тыло»). В семидесятые годы прошлого века эта деревушка была объявлена «неперспективной». С. Самсонову не только удалось разрушить план ликвидации родной деревни, но и показать, что может сделать слово писателя. Очерк публиковался в местной газете, прозвучал по республиканскому и Всесоюзному радио, печатался в Москве. Однако писатель, борясь в жизни за сохранение деревни, в романе выступил с иных позиций.

Анализ очерка «Деревенька наша Тыло» и романа «Голуби с пути не сбиваются» позволяет сделать заключение, что это оспаривающие друг друга произведения. Но именно эти произведения дают возможность осмыслить противоречия удмуртских писателей, которые связаны с перерастанием традиционной крестьянской культуры в сложную современную цивилизацию. В романе многие позиции писателя сблизилась с официальной идеологией. Между тем, создавая произведение на актуальную «местную» производственную тематику, автор так или иначе встал перед необходимостью осмысления коренных проблем народной жизни,

поиска новой образности, языкового многообразия, модернизации сюжета. В ходе исследования удмуртской «производственной» прозы определяется, что при всей изначальной ориентации на «социальный заказ», реальное значение этих произведений оказывалось шире известных идеологических установок.

В удмуртском литературоведении сложилось мнение, что «старая» удмуртская литература перестала существовать в самые же первые «постперестроечные» годы, что активные позиции в процессе изменения форм и приемов литературы заняли молодые авторы. Однако картина реальной литературной жизни тех лет много сложнее и противоречивее. Эстетика постсоветской удмуртской литературы начинает складываться в творчестве сложившихся, признанных писателей, т. е. замена одного эстетического кода другим связана главным образом не с новыми именами, а с новыми произведениями авторов старшего и среднего поколения, работающих в русле реалистических традиций, характеризующихся взаимодействием разных эстетических компонентов. Показательна в этом плане эволюция творчества С. Самсонова. Итоговый период творчества писателя хронологически относится к девяностым годам прошлого столетия, но рассмотрение написанных в этот период произведений в контексте литературы 1980-х годов весьма важно для понимания того, чтобы проследить изменение структуры удмуртской прозы. В работе проанализированы повести «Вужер» («Тень») и «Гожтисько тыныд сопал дуннее» («Пишу тебе в мир иной»), в которых разговор о ценностях перемещается в плоскость «вневременных» категорий.

Особенности воплощения в удмуртской литературе социально-активного героя рассматриваются также на примере анализа романа П. Чернова «Гулысысен сизылыозь» («С весны до осени», 1983). Для романа характерно существование двух нестыкующихся жанровых построений – «производственного» и «исповедального», но именно в таком своем несовершенстве это произведение и отражает процесс творческих исканий удмуртской литературы. В романе помимо воли автора происходит совмещение экономических приоритетов с ценностями этическими, нравственными.

Трансформация удмуртской «производственной» прозы, накопление ею нового качества в традиционных жанрах своеобразно происходит в индивидуальных художественных системах. Об этом идет речь в параграфе **«Художественная концепция личности в раннем творчестве Г. Перевощикова»**. В раскрытии связей народной жизни и индивидуальной человеческой судьбы наибольшую трудность для литературы представляло изменение творческой задачи, т. е. методов и способов изображения окружающего мира и человека. При всех положительных началах, характерных для образцов удмуртской литературы производственной тематики, народная жизнь предстает в них в очень упрощенных и схематизированных формах, а по отношению к выдвигаемым проблемам сложилась инерция их однолинейной интерпретации. Это наблюдение подтверждает анализ тетралогии Г. Перевощикова «Поклонись земле» (1977–1986), выход в свет каждой части которой свидетельствовал об исчерпанности содержательных и структурных возможностей крупноформатной модели удмуртского «производственного» романа.

Значимым в развитии удмуртской прозы стало то, что Перевошиков парадоксальным образом сам же начинает расшатывать привычные литературные стереотипы, ломать устоявшиеся каноны. Во время работы писателя над тетралогией выходит в свет его повесть «Летний снег» (1984), где автор переключает свое внимание с социально-характерного на индивидуальное, предметом анализа становится интеллектуальная, духовная, эмоционально-чувственная жизнь героя. В центре повести – творческая личность, писатель. Одна из важнейших проблем, поставленных в произведении, – одиночество современного человека. Даже ее название контрастно по отношению к довольно распространенным в те годы «благополучным» заглавиям книг. «Снег летом» – реальность негативная, в повести она приобретает символический смысл: небрежение человека к установленному миропорядку может вызвать гнев высших природных сил. Повесть написана в манере, близкой произведениям свободной формы. События пропущены через призму субъективного восприятия героя, писатель максимально приближен к своему герою, образы повествователя и героя как будто слиты воедино. Конструкция, предполагающая введение в произведение образа писателя, показанного в процессе написания им своей книги, напоминает форму романа, обозначаемую термином «роман в романе».

За личностными переживаниями героя стоят серьезные социально-общественные проблемы времени, в числе которых особо оттенена проблема отчуждения личности. Печальным следствием равнодушия взрослых становятся дети, круг замыкается. В «Летнем снеге» большое место занимают авторские отступления и размышления о творческом труде, об особенностях и тайнах писательского ремесла, о литературной среде, о проблеме положительного идеала в жизни и литературе. Отдавая предпочтение в оценке произведения его социальной конкретике, многие критики высказали в адрес рефлектирующего героя немало нареканий. Национальное литературное сознание все еще было подчинено официальным идеологическим штампам. Особенности повествовательной структуры «Летнего снега» предвосхищают пути осмысления удмуртской прозой человека и мира на следующем этапе ее развития, когда на смену широким картинам действительности, вовлекающим в свои рамки большое число персонажей, приходит более сжатое, динамичное повествование.

В третьем параграфе **«Принципы изображения героя и особенности психологизма в малых эпических жанрах (В. Сергеев, В. Котков)»** показаны пути решения удмуртской литературой 1970 – 1980-х гг. проблемы человек и национальный мир в жанре рассказа. Формально приоритет в литературе семидесятых – восьмидесятых годов был за романом, но осмысление социально-психологических коллизий времени происходит в жанре рассказа. Если производственный роман так или иначе отстранял героя от судьбы своей нации, то рассказ, напротив, активно вписывал героя в национальный мир. Картину мира удмуртский рассказ семидесятых годов «составляет» снизу, из повседневного существования человека. Привычный для крупных романов, повестей социально активный герой в рассказе оказался вытеснен частным человеком, стремящимся в каждодневных проблемах сохранить свою честь и достоинство. Полнее всего в жанре рассказа «семидеся-

тых» выразился талант В. Сергеева (Ар-Серги, 1962). В его рассказах, как правило, нет поступательно развивающегося сюжета, но есть психологическое поле особого эмоционального напряжения, создаваемое внутренним состоянием героя и выразительностью житейских обстоятельств. Чаще Ар-Серги пытается раскрыть эмоциональный мир человека, полный драматизма и переживаний. При этом он не описывает подробно весь процесс душевных движений персонажа, но стремится воспроизвести психологический миг, внутреннее состояние человека в какой-либо момент его жизни. Показательны в этом отношении рассказы «Телефон дурын» («У телефона»), «Портмаськон» («Ряженье»), «Акшанысь кышномурт» («Женщина из сумерек»), «Кенер съорысен» («Из-за изгороди») и др.

В поисках более свободного самовыражения своего героя писатель прибегает к такой разновидности рассказа, где на первый план выдвигаются «исповеди» или «развернутые признания» героя. Самораскрытие героя в своеобразной форме письма, отправленного писателю Ар-Серги от старого фронтовика, происходит в рассказе «Берпумети команда яке фронтовиклэн гоштэтэтэз» («Последняя команда, или письмо фронтовика»). В такого плана рассказах композиционно-стилистическая и словесно-художественная структура ориентирована на слово «обыкновенного» героя, однако непосредственно воспроизводимая реальность приобщена к более глубоким пластам народной жизни, что обуславливает выходы за пределы изображаемого. Например, в рассказе «Палэзпу – оскон» («Рябинушка – надежда») писатель раскрывает сложное сплетение чувств и настроений женщины, у которой сын находится в тюрьме. В диссертации особое внимание уделяется многозначному смыслу заглавия рассказа, связанному с семантической функцией дерева, восходящей к национальной фольклорно-художественной традиции. Дерево, посаженное в честь рождения человека, его свадьбы, прощания с домом или другого важного события, имеет у удмуртов множество ассоциативных связей и смысловых комплексов: самопознание, верность, память, ожидание и др. Символизируемый смысл сергеевской рябинушки совмещает значения, соотнесенные как с затаенными переживаниями женщины, которой предстоит вместе с деревом ожидать своего сына не с военной службы, но из тюремного заключения, так и с положением одинокого человека, не имеющего рядом близких, понимающих его беду людей. Образ дерева оказывается вовлеченным в процесс мыслей и чувств героини. В. Сергеев, используя устойчивый образ традиционного национального сознания и одновременно его трансформируя, делает рябину символом связи «духа дерева» с жизнью человека. Женщина постоянно поливает рябину, поскольку засохшее дерево является тревожным знаком – символизирует смерть человека. Она знает: чем дольше живет дерево, чем больше оно хранит соки родной земли, тем сильнее сохраняются связи человека со своей семьей, со своими «корнями». Мотив дерева символизирует в рассказе «Рябинушка – надежда» не только связь человека с семьей, домом, землей, но и его стойкость, способность сопротивляться судьбе, неистребимость материнской любви и веры в своих детей.

Малая эпическая форма стала для национальной литературы своего рода художественной лабораторией, экспериментальным полем для различных замыслов и начинаний, которые получили более сложное решение в повести или романе по-

следующих лет. Рассказ «уловил» тончайшие, зыбкие состояния человеческой души, почти не переводимые в логические категории. Эту установку прозы можно увидеть в рассказах Ар-Серги «Вал-а со, ой вал-а» («Было это, или не было»), «Иськан» («Степан»), «Сьолыкен кошкись» («Уходящий с грехом»), «Атаезлэн чогырес бамъёсыз» («Небритые щеки отца») и др. Если жанровая модель «проблемного» рассказа в удмуртской литературе шестидесятых годов представляла собой своеобразный синтез рассказа и очерка (рассказ, как правило, вбирал в себя наиболее злободневную социально-экономическую, моральную проблематику и широко использовал формы открытого публицистического воздействия), то теперь тенденции развития малой прозы определяются поисками художественных форм, соответствующих сложности постижения психологического мира человека.

Общую панораму развития удмуртской прозы 1970–1980-х гг. заметно обогащают рассказы В. Коткова (1958), с творчеством которого связано усиление эмоционального субъективно-лирического начала, активное использование различных приемов стилизации, употребление ритмической, музыкально-организованной фразы. Главная особенность его рассказов – устремленность к постижению светлых, положительных начал жизни, стремление рассказать о людях нравственно здоровых, цельных, обладающих душевной щедростью и добротой. Эта особенность творчества В. Коткова и других писателей семидесятых годов ценна и привлекательна как утраченный национально-эстетический опыт, поскольку за последние годы в удмуртской литературе, обращенной к теме современности, ощущается нехватка жизнеутверждающего начала. Наиболее интересными в ряду таких произведений являются рассказы «Годмотэм суредась» («Анонимный художник»), «Сюрес вылын» («В пути»), «Анае гурзэ эстэм, дыр, но...» («А мать, наверное, затопила уже печь...»).

В удмуртском рассказе семидесятых годов наблюдается стремление «расшатать» каноны традиционного «объективного» стиля. Повествователь во многих произведениях приближен к персонажу, ведет повествование «в тоне» и «в духе» героя. Внутреннее состояние персонажа чаще передается посредством несобственно-прямой речи, отчего происходит совмещение объективности и лиризма. Объективность, связанная с эпической описательностью, и лиризм, выражающий стихию субъективности, эмоциональности, сливаются, обращаясь в лиризованную объективность. Именно этими принципами подхода к литературе обусловлен эмоционально-экспрессивный, лирически окрашенный строй произведений В. Коткова. Во многих его рассказах существенную композиционную роль играют «обратные связи», благодаря которым корректируется или изменяется первоначальное восприятие сцены, ситуации, эпизода. Писатель продуктивно использует в своем творчестве законы новеллистического повествования, прежде всего принципы сюжетосложения. Таков его рассказ «Гожтэтъёс» («Письма»). В работе отмечается, что изменения в удмуртской прозе семидесятых годов в области художественного человековедения связаны с приходом в литературу целой плеяды молодых авторов, профессиональное становление которых происходит в жанре рассказа: П. Куликов (1952), И. Байметов (1952), О. Четкарев (1953), Р. Игнатьева (1955), У. Бадретдинов (1957), Л. Малых (1960), Эрик Батуев (1969–2002) и др.

В четвертом параграфе «**Фольклорные традиции в формировании образа мира и человека в рассказах В. Самсонова**» рассмотрена связь удмуртской прозы 1970–80-х гг. с онтологическими основами мифа. Развитие рассказа анализируемого периода связано также с усилением в литературе тенденции к символической обобщенности. Ощущая потребность в серьезных размышлениях над вечными нравственными и философскими проблемами, удмуртская малая проза начинает активно обращаться к традициям сказа, притчи, народных преданий, мифа. Для удмуртского рассказа особо характерно использование образов-символов, условных форм, метафорических образов, намекающих на мифологическое истолкование изображаемого. Примером усложнения структуры жанра служит творчество В. Самсонова (Никвлад Самсонов, 1946–2002). Мофотворческие тенденции прозы Самсонова отчетливо заявили о себе в 1990-х гг., в рассказе же 1970-х гг. очевидны истоки его поисков в этом направлении. Естественное, фольклорное видение мира, нерасчлененность восприятия природы и человека опередила специфику выразительности рассказов «Суред» («Этюд»), «Шупудьёс бырдало» («Покрытая наледью калина»), «Сизьыл жужась италмасъёс» («Взошедшие осенью италмасы»), «Ежалэс улмо» («Неспелое яблоко»), «Узыос» («Землянички») и др. Через обычаи, нравы, привычки, повторяющиеся из поколения в поколение и закрепляющиеся в сознании людей нормы морали, показана природная первооснова человека в рассказах «Йоназлы овол» («Не к месту»), «Пужмертыку» («В иней»), «Пелляськыку» («В метель»), «Бускель» («Сосед») и др. Потеря ощущения прочности мироздания по Самсонову начинается там, где ослабевают связи человека с землей, природой, народом. Об этом рассказы «Лыз наличникъёс» («Синие наличники»), «Чоръяло атасьёс Чуньышурын» («Поют петухи в Чуньышуре»), «Окыль» и др.

Самсоновские рассказы создают впечатление того, что все в мире взаимопроницаемо: человек и окружающая его природа, вещный мир не только взаимосвязаны, но и «взаимоотражаемы». В рассказе «Буртчин кышет» («Шелковый платок») деревенский огород, дом с угодьями, весенняя природа обретают черты мифопоэтического пространства. Согласно концепции мифопоэтического пространства, время и пространство неотделимы друг от друга, образуют единый пространственно-временной континиум, мифопоэтический хронотоп. Впечатление бесконечности пространства в рассказе создают вещественные реалии окружающего мира, которые предстают как бы застывшими в своем вечном виде, не подчиняясь течению времени. Писатель творит картину мира, мифологически замкнутую и вневременную – универсальную, где главенствует природная закономерность. Картины весенней природы, преломляющиеся в лирических настроениях автора и в восприятии героя, сливаются воедино, создавая впечатление полноты и силы жизни, себя творящей. Пойманные мгновения бытия предельно обостряют и одновременно обобщают ощущения героя, осознавшего, что миг и вечность едины, мгновение включает в себе все, что сохранила вечность и должна сохранить. Эти черты роднят самсоновскую прозу с отечественной «деревенской» литературой, с ее общим архетипическим каноном Деревни, мотивом возвращения к этому канону.

Фольклорно-самобытное миропереживание писателя хорошо отражает рассказ «Чож но чожиос» («Утка и утята»), который в переводе на русский язык назван «Малыш». Самсонов применяет метод отождествления авторской точки зрения с позицией маленького беспомощного утенка. Внешний мир в рассказе увиден глазами птенца, его описания проникнуты младенческим удивлением перед свежестью природы, таинственностью жизни и одновременно жестокостью и бездушием человека. Не случайно рассказ назван переводчиком «Малыш». Персонажи в «природных» рассказах Никвлада Самсонова одушевлены, они наделены человеческими чувствами, переживаниями, имеют свой индивидуальный характер. Этнографизм в рассказе «Турипи» («Журавленок») соседствует с акварельными пейзажами, народными поверьями, сказочными образами.

Самобытность многих рассказов Никвлада Самсонова определяет смеховое начало. Жанровое своеобразие рассказов «Парфюмер агай» («Парфюмерный дядька»), «Еремейлэн ветылэз, яке Шерше ля фам» («Еремеева телка, или Шерше ля фам»), «Диго-диго-диго-диг!» («Тяга-тяга-тяга-тяг!»), «Трикотин Вася» («Вася Трикотин») и др. определяется обращенностью автора к сюжетным ситуациям анекдота, авантюрного рассказа, ориентацией на повествовательные формы устных народных жанров: неразвернутость или фрагментарность сюжета, лаконизм характеристик и описаний, простота композиции, краткость и точность словесного выражения.

Итак, общая картина национального литературного развития 1970-х – начала 1980-х годов представляет собой явление достаточно неоднородное. Хотя направление поисков литературы все более обусловлено усиливающимся влиянием на нее урбанистической культуры, но это не отменяет задач, стоящих перед писателями: показать человека являющегося не просто продуктом социально-исторической среды, но человека как наследника национальных традиций, формирующего свое «я-удмурта», познающего свою сущность, осознающего свое место в новом времени, собственную значимость и ответственность. Начало этому пути положил жанр рассказа.

В третьей главе **«Удмуртская проза на рубеже веков: в поисках национальной идентичности»**, состоящей из шести параграфов, исследуется многообразие художественных форм эстетического постижения действительности в «постсоветскую» эпоху, сущность и содержание основных художественных течений и направлений. В первом параграфе **«Начало перемен: эстетическая и мировоззренческая переориентация в поисках нового образа мира»** проанализирована социокультурная обусловленность возникших в «постперестроечной» литературе различных тенденций. Начавшиеся в стране со второй половины 1980-х годов перестроечные процессы радикально изменили культурную и литературную жизнь республики. Ведущей чертой переходного периода стало пробуждение национального чувства, литература заново открывала свое забытое наследие, ощущала национальный дух. О пробуждении национального чувства говорят даже названия произведений удмуртских авторов: М. Атаманов «Мон – удмурт. Малы мыным вась?» («Я – удмурт. Отчего мне больно?»), С. Пушина-Благинина «Испо-

ведь грешницы, или Я – удмуртка», А. Веретенников «Мон – удмурт ныл» («Я – удмуртская девушка») и др.

Новый этап художественного развития связан в удмуртской литературе с явлением «этнофутуризма», имеющего в среде национальной интеллигенции своих приверженцев и оппонентов. Интересные рассуждения об удмуртской литературе с этих позиций напечатаны в газете «Литературная Россия». К сожалению, русскоязычный читатель ограничен в своих возможностях познакомиться с работами оппонентов «этнофутуризма», поскольку они опубликованы на удмуртском языке на страницах республиканских газет и журналов. В диссертации раскрываются концепции полемизирующих сторон. Об уязвимости «привнесенной» доктрины в применении к живой литературе писали критики А. Ермолаев, Ф. Ермаков, социолог А. Разин и др. На наш взгляд в различном восприятии концепции «этнофутуризма» обнаружились тенденции времени, совершающего перемены в удмуртской литературе. Однако чрезмерная увлеченность молодых литераторов зарубежными идеями привела к разрыву между художественной практикой и теорией литературы. Термины и категории, разработанные применительно к другой культуре, стали механически прилагаться к произведениям удмуртских писателей, без учета их духовно-практического опыта, изначальной природы их самобытного творчества. Особо обращает на себя внимание и тот факт, что осмысление национального литературного процесса сквозь призму «этнофутуризма» осуществляется вне связей русской и удмуртской литератур, тогда как на протяжении всей своей истории удмуртская литература испытывала благотворное влияние гуманистических традиций русской реалистической литературы, которая и сегодня не может не определять важнейшие черты ее своеобразия. Многие открытия, сделанные писателями Западной Европы, также почерпнуты удмуртскими авторами через художественно-эстетический опыт русской литературы. Время обострило проблему «советской удмуртской классики» в ее отношении к современности, поставило вопрос о преемственности художественных традиций.

Анализ литературного процесса показывает, что в современной удмуртской прозе более выразительно проявляются проблемы, имманентные национальному бытию и характеру. Расширение границ национально-эстетического сознания, демократизация героя, показ многосложности человеческих связей, критический пафос, поиск корней национальной жизни, свободная композиция – черты круто изменившей свой облик удмуртской литературы девяностых годов. Основой для формирования новой жанровой модели в современной удмуртской прозе стала повесть. Одна из причин ведущего положения повести в современной прозе состоит в том, что традиционно этот жанр наиболее тесно смыкается у нас по своей структуре с очерком или другими хроникальными, биографическими, документальными произведениями. Поскольку в последние годы в удмуртской литературе особенно часто используется реальный факт или человеческая биография, то повесть легко «растворила» их приметы в собственной художественной структуре. При распространении в литературе субъективированных форм повествования изменилось в ней и место рассказа. Широко представленный в литературе прошлых лет жанр рассказа с объективированным типом повествования уходит на перифе-

рию литературного процесса, его место занимают литературный портрет, эссе, зарисовка, авторская сказка. Эти перемены рассматриваются в следующих параграфах работы.

В параграфе **«Историко-документальная проза: специфика и возможности»** с учетом критериев художественности литературного произведения изучены публицистические принципы воссоздания образа человека в современной удмуртской прозе, выявлены особенности сближения национальной литературы с наукой. В диапазоне создаваемой литературой «перестроечных» лет художественной картины мира как одна из главных ее граней обозначился интерес к прошлому. На первое место по активности и удельному весу выдвинулось значение документа. В работе обосновывается положение, что современная удмуртская документалистика утверждает себя в качестве самостоятельного направления и вместе с тем играет важную интегрирующую роль в литературном процессе, являясь серьезным ресурсом для развития национальной прозы в новых условиях. Среди текстов, в которых наиболее очевидно проявляются тенденции развития документальной прозы, выделяются произведения К. Куликова «Трокай» и «Иван Пастухов», Н. Павлова «Иосиф Наговицын», «Иван Волков» и «Максим Прокопьев», В. Голубева «Лудзиысь батыр: Геройлэн улоньсытыз суредьёс» («Лудзинский герой: страницы жизни») и «Пыраклы егитэсь» («На веки молодые»), Н. Кузнецова «Шимес пеймытысь» («Из мрака») и др. В центре этих и других произведений историко-документальных жанров, как правило, события из жизни первого поколения удмуртских интеллигентов в эпоху «большого террора» второй половины 30-х годов XX века. В удмуртской прозе развивается характерная для отечественной литературы трагическая тема ГУЛАГа, пользующаяся особым спросом у читателя.

Список произведений о репрессированных удмуртах открыла документально-художественная повесть К. Куликова «Трокай» (1988). Впервые перед читателем предстал трагический образ незаслуженно оклеветанного и надолго забытого национального лидера, организатора удмуртской автономии, талантливого ученого и публициста, замечательного врача и незаурядного политика Трофима Борисова. В повести достоверность исторических характеристик соединена с романтической легендой о молодом удмуртском отшельнике-умельце Седыке, рассказанной словно бы от лица свидетеля древней эпохи и придающей повествованию особую глубину и национальную окраску, помогающей автору организовать повествование по художественным законам. В произведении можно выделить несколько аспектов: рассказ ученого-исследователя о трагической судьбе личности в годы исторических потрясений, глубокие философские размышления повествователя-летописца о своем народе, богатый источник архивных сведений о биографии главного героя. В повести, параллельно основному сюжету, исподволь складывается групповой портрет «национальной эпохи», показан трагизм положения едва начавшей складываться в единое целое национальной интеллигенции. Для решения этой задачи автор избирает «диалогическую» форму повествования, складывающуюся путем чередования подлинного архивного материала: писем, воспоминаний, живых речей конкретных лиц, документов. Если соотносить документаль-

ные произведения с ходом развития современной удмуртской прозы, можно говорить о расширении в ней горизонтов политического мышления.

Сложнейшая для литературы проблема соотношения индивидуально-личностного и социально-ролевого отразилась в документально-художественных повестях Л. Емельянова «Сьод пилем но эркын тольёс» («Черная туча и ветры свободы», 1988) и С. Шихарева «Трокай агай» («Дядя Трокай», 1989). Умение создавать яркие индивидуализированные художественные образы на строго документальной основе явили читателю книги Н. П. Павлова «Иосиф Наговицын» (1988), «Иван Волков» (1991), «Максим Прокопьев» (1993). На примере творчества Н. Павлова обнаруживается такая существеннейшая особенность современной удмуртской прозы, как синтез национального литературного творчества с научным знанием. Автора особенно волнует ситуация, когда проявляется неуважение к многовековой биографии и культуре народа. Одно из главных достоинств книги – стремление дать установленным наукой историческим фактам объяснение с точки зрения главного героя, благодаря чему выражается нравственно-философский смысл действительно бывшего. Это и придало очерковому по сути произведению Н. Павлова содержание и художественную форму повести.

В диссертации особое внимание обращается на трудности самосознания, испытываемые жанрами удмуртской документальной прозы, поскольку они еще не определились в своих формообразующих принципах. Рассматриваемые книги удмуртских писателей, пожалуй, более близки к жанрам литературного портрета или повести-биографии, также они имеют ряд особенностей, свойственных историко-биографическим романам русской и других литератур. Интересна в этом отношении повесть Н. Евсеева «Пеймыт уй гинэ вералоз» («Расскажет только темная ночь», 1995), в основе которой биография одного из первых удмуртских предпринимателей Николая Ивановича Евсеева, являвшегося депутатом Государственной думы, членом Учредительного собрания и закончившего жизненный путь в братской лагерной могиле в пос. Колпашево. В произведении важен момент, указывающий на новые функциональные качества документа в современной удмуртской литературе. Ретроспективная проза прошлых лет практически не прибегала к открытому цитированию документа, процесс его освоения, анализа и осмысления оставался за пределами произведения: роман М. Петрова «Старый Мултан» (1954), повесть С. Самсонова «Над Камой гремит гроза» (1968) и др. Сегодня писатель не только включает документ в художественную ткань повествования, но и открыто вмешивается в изображаемое, комментирует используемые им источники, указывает на то, откуда взяты те или иные свидетельства. Произведение словно бы создается в «открытую», на глазах у читателя, автор становится полноправным героем литературного текста. Одновременно с этим происходит осознание документа как концентрации определенного исторического, философского, психологического содержания, смысла, идеи. Анализ произведений подтверждает наши наблюдения о том, что эстетический диапазон документальности в современной литературе расширяется, обновляя ее привычные возможности. Особо значимым стало повышение интеллектуального уровня национальной прозы, открывшаяся в ней историко-философская перспектива.

В третьем параграфе **«Национальные особенности мемуарно-биографической прозы. Своеобразие литературного портрета»** исследуются жанровые разновидности писательских воспоминаний. Особенности интерпретации мира и человека в анализируемой прозе рассмотрены с точки зрения выражения авторского сознания, позиции автора-повествователя и автора-героя, выявлены способы организации художественного времени и пространства, мотивов и лейтмотивов, символических образов и картин. Развитие мемуарных жанров в современной отечественной литературе критика рассматривает как отражение процесса формирования культурных форм новой писательской идентичности. Процесс этот в удмуртской литературе во многом обусловлен возросшим самосознанием народа, осмыслением автором подлинных примет национальной жизни в изменившемся времени, изображением характерных ее проявлений. Биографический сюжет становится способом осмысления определенного пласта национальной действительности. Следует заметить, что в удмуртской критике 1990-х гг. по отношению к литературе этого направления утвердилось понятие, которое буквально можно перевести как «литература писательских свидетельств». Для произведений удмуртских авторов, как и для текстов русской мемуарной литературы, характерен определенный набор инвариантных элементов, наличие своего рода фабулы-«архетипа»: родительский дом, учеба в школе, юность, вступление в большую жизнь и т. д. Но в воспоминаниях наших писателей конкретному литературному воплощению авторской судьбы предшествует и такая «архетипическая» схема, как воспроизведение истории большого рода, отъезд из деревни в город, первые в жизни самостоятельные шаги вдали от отцовского дома, профессиональный рост. Часто в центре внимания наших писателей оказываются репрессии 1920–30-х годов, поволжский голод, раскулачивание и др.

Особые успехи современной удмуртской мемуарно-биографической прозы связаны с повестью Г. Романовой (1950) «Жужыт-жужыт гурезе» («Моя высокая, высокая гора», 2000). Художественный мир повести воссоздает сложные контакты архаического и современного сознания «городского» удмурта. В повести содержатся философские размышления и лирические откровения, здесь одновременно присутствуют натуралистически окрашенные описания действительности и сказочно-фантастическая, фольклорно-мифологическая образность слова, хранящая древний антропоморфизм народного мышления. Мифологические истоки родословной все еще реально воздействуют на мироощущение автора. Отсюда символическое сгущение жизненных обстоятельств, интерес к глубинным слоям народного сознания. Окружающий природный, вещественно-бытовой, предметный мир, который участвовал в процессе становления героини, своеобразно одушевлен: родительский дом «Катяр корка», с детства исхоженные тропинки на холме «ЮОер-бам», черный омут «Сьод ты» и т. д. Реальный мир и мир поверий находятся в повести рядом. О том, что для Г. Романовой характерна приверженность к мифологической образности, говорит раздел повести «Писпуос но адямиос» («Деревья и люди»). Наиболее семантически нагруженной частью образа дерева в повести является корень ("корень" – на удмуртском языке "выжы", означает "род"). Мощь дерева в корне, сила удмурта – в крепости его рода неотрывно от земли. Самое

большое несчастье для удмурта – остаться без родовых корней. В таком аспекте рассматривает Г. Романова проблему маргинального мира.

Главная коллизия повести – столкновение грез и реальности, мифологически цельного мироощущения и противоречивой современности. Молодая писательница начала свою литературную деятельность, находясь в плену восторженно-книжных и деревенско-романтических представлений о жизни литературной среды. Повествование о процессе «врастания» сельской девушки в мир профессиональной литературы как бы становится «рассказом-восстановлением» утраченной и разрушенной целостности национальной жизни.

Воспоминания А. Конюховой (1911) «Шудтэм шуд» («Несчастливое счастье», 1996) ближе к автобиографической повести, ее главная тема – человеческая судьба в годы исторических испытаний. Образ автора представлен в тексте двумя субъектными формами – автогероя и повествователя. Эти субъектные формы помогают автору сопоставить частную судьбу героини и ее семьи с судьбой народа. Большое место в книге воспоминаний А. Конюховой занимают раздумья о труде. Труд для повествователя является тем, что спасает в трудные моменты жизни, нравственно облагораживает. Автор обозначила свою женскую судьбу как «несчастливое счастье», «горемычное счастье». Но в женщинах этого типа и этого поколения нет озлобленности. Образ героини становится символом, воплощающим титаническую борьбу удмуртских и всех российских женщин с выпавшими на их долю обстоятельствами.

Героиня книги С. Пушиной-Благиной «Исповедь грешницы, или Я – удмуртка» оценивает проблемы перестройки и постперестроечных лет. Писательница, по сути, описывает варианты биографии, которую можно считать биографией поколения, утратившего идиллическую страну комсомольской и пионерской юности, в которой существовали общепринятые нормы морали. Творческая манера С. П. Пушиной-Благиной – своеобразный вид языковой игры. Между тем, многие эпизоды дневника подчеркнута фактографичны, словно воссозданы в традициях народной литературы. Особенно ярко она описывает испытываемые ею терзания по поводу апатии и усталости народа, его духовной и нравственной расслабленности. На примере творческих исканий С. П. Пушиной-Благиной просматривается такая особенность современной удмуртской прозы, как введение адресата в структуру текста, поворот литературы от присущих ей форм «свидетельства» и «интроспекции» к диалогу и даже к игре с читателем. Зачастую предметом разговора повествователя с адресатом становится процесс написания произведения и его бытования в читательской среде. Большое место в прозе С. Пушиной-Благиной занимают элементы литературной полемики. Если вычленишь и собрать воедино такие авторские самообъяснения, то можно получить нечто вроде критического эссе, выражающего творческие позиции Благиной по отношению к современной удмуртской литературе.

В современной удмуртской литературе активно разрабатывается и такой вид мемуарной прозы, как литературный портрет. Живые образы удмуртской интеллигенции представляют собой книги воспоминаний М. Гавриловой-Решитько «Чыдонтэм пумиськонъёс» («Незабываемые встречи», 1995) и «Эшъяськонлэн

шуньтэз» («Тепло дружбы», 2005), Е. Загребина «Яратонэ тон, вожанэ...» («Любовь моя, ревность моя...», 2004), Э. Борисовой «Напряду из сердца строки...» (2005) и др. Мемуарно-биографическая проза сумела увидеть в индивидуальных свойствах характера персонифицированный образ народа. Воспроизведенная ею картина мира является своеобразным мостом, перекинутым из истории в настоящий день, что обеспечивает непрерывность передачи моральных ценностей народа от одной эпохи к другой.

Тенденции развития религиозно-христианского направления в современной литературе прослежены в параграфе **«Духовные искания современной удмуртской прозы»**. Приметной чертой творчества ряда современных удмуртских писателей стало стремление осмыслить ценностную иерархию, лежащую в основе христианской культуры, приблизиться к православной истине (Никвлад Самсонов, О. Четкарев, А. Комаров, Е. Загребин, П. Кубашев и др.). Однако обращение к духовной тематике у многих наших авторов не предполагает изображение мира и человека в соответствии с канонами православной веры. Целостность христианского мироощущения проявляется в творчестве М. Г. Атаманова, отца Михаила (1945). Произведения М. Атаманова, являясь чем-то средним между «исследованием и рассказом», тяготеют все же к жанрам художественной прозы, отличающимся выразительной образностью, имеющим фабульное повествование о жизни героя, которому дается индивидуально-типизированная и социально-психологическая характеристика. В работе рассмотрены книги «Ньыль зарезь пыр – Иерусалиме» («За четыре моря – в Иерусалим», 1994), «Мой путь в Библию» (1999), «Кылё тодэм калыкъёс» («Остаются знаемые люди», 2004), «Мон удмурт. Малы мыным вась?» («Я – удмурт. Отчего мне больно?»), 2007) и др.

Особое место занимает в современной удмуртской прозе паломнический дневник о. Михаила «За четыре моря – в Иерусалим». Внутренний настрой о. Михаила тот же, что и у его далеких христиан-предшественников: ощущение радости, благоговения и почитания. Но одновременно автор стремится донести до своего читателя то, как скорбит его душа по отошедшим от христианских традиций многим современным удмуртам, особенно молодежи. То, что христианство имеет в недрах национальной традиции глубокие корни и драматическую историю раскрывает книга М. Атаманова «Остаются знаемые люди. О благочестивых христианах Удмуртии». Она написана в традициях житийного жанра, но отличается реалистичностью и предметной осязаемостью. Каждый очерковый рассказ, вошедший в эту книгу, уникален и неповторим, раскрывает духовные подвиги и героические деяния христиан-удмуртов: «Бабушка Марфа», «Монахиня Наталия», «Иеромонах Гавриил», «Анна с Пойвая» и др. Свойственный литературному таланту о. Михаила лиризм создает эффект непосредственной сопричастности автора переживаемым его героями духовным испытаниям. Лиризм – органическое свойство и неотъемлемая черта удмуртского словесного искусства, обусловленная национальной ментальностью. Так и для художественно-публицистического творчества Михаила Атаманова характерен «лирический тип познания». Несмотря на трагические сюжеты, книга «Остаются знаемые люди» пронизана светлым ощущением духовной значимости человеческой жизни, ощущением божественного чуда.

Богатый арсенал изобразительно-выразительных средств использован в книге «Я удмурт. Отчего мне больно?». Как ни один удмуртский писатель, М. Атаманов откровенно и с болью в душе пишет о проблемах, касающихся жизни удмуртского народа на рубеже XX – XXI вв. Печалит М. Г. Атаманова то, что глобализация и урбанизация несут угрозу исчезновения тысячелетней культуры древнейшего народа Волго-Камья, его языка и художественной литературы. М. Атаманов полагает, что для удмурта самой страшной, из всех выпавших на его долю исторических испытаний, окажется утрата собственного голоса, родной речи, забвение слов, рожденных его землей. Проблема «языкового отчуждения» обретает в его творчестве символическое значение, звучит как утрата нацией своей истории, человеком – родины-матери, как разрыв «единого начала», связующего разных людей в народ. Освоение глубин религиозного мировоззрения позволит литературе раскрыть новые, не изведенные до сих пор творческие ресурсы.

В параграфе **«Философская проблематика и мифо-фольклорные основы творчества В. Самсонова и О. Четкарева: соотношение национального и универсального»** актуализируется вопрос о развитии удмуртской литературы в соотношении с народнопоэтической традицией, интерес сосредоточен на исследовании форм рецепции и трансформации мифа в творчестве современных писателей. В параграфе также рассматриваются вопросы теоретического характера, связанные с природой мифа и его присутствия в литературе, которые имеют непосредственное отношение к исследуемой проблеме мира и человека в удмуртской прозе.

Удмуртской литературе сегодня свойственно стремление усваивать художественный и культурный опыт других стран и народов, наблюдается сложно опосредованное приобщение удмуртской литературы к опыту европейских и латиноамериканских литератур (магический реализм), развитие диалога в новых исторических условиях с творчеством больших мировых писателей. Обращаясь к общемировым литературным традициям, удмуртская проза в то же время особо интенсивно сосредоточивается на выявлении самобытности своего национального художественного сознания, национального мира, национального характера. Различные архетипы, мифологемы, бинарные оппозиции, мифоструктуры, активно используемые современной удмуртской прозой, имеют в своей основе национальные истоки. Мифотворческие тенденции отчетливее всего воплотились в тексте произведений, основанных на авторской приверженности к родовому началу. Особенности мифопоэтического сознания народа отражают тексты повестей О. Четкарева «Чагыр но дыдык» («Сиз да голубь», 1989) и «Кычес» («Петля», 1993), Никвлада Самсонова «Адзон» («Рок», 1991), Ф. Пукрокова «Кизили ныл» («Дочь звезды», 1997), Н. Никифорова «Эзель ваись быркыт» («Коршун, приносящий несчастье», 2004), сказок для взрослых Л. Малых, Г. Романовой, рассказов и повестей В. Ар-Серги, У. Бадретдинова, Л. Нянькиной, Ю. Разиной и др. Отличительной чертой удмуртской литературы является то, что большая часть архетипов и мифологем, бытующих в текстах удмуртских авторов, носит непреднамеренный, бессознательный характер. Это и выделяет произведения наших авторов на фоне опыта общепризнанных писателей других литератур, для которых характерно сознательное мифологизирование.

Герой повести Никвлада Самсонова «Рок» – палач, бывший сотрудник КГБ старик Оберьян (Аверьян) отторгнут миром мертвых, и сама земля не желает принимать в себя человека, поступившегося нравственными законами предков. Реальный мир становится для героя отражением страшного ада мира. Никвлад Самсонов устанавливает прямую и непосредственную связь сознания своих персонажей, включая и повествователя, со всеобщим родовым сознанием удмуртов. Носитель этого изначального народного сознания – некая извечная субстанция, иррациональная, абсолютно духовная сила, объединяющая людской род органически, и в то же время посылающая возмездие и наказание тем, кто нарушает незыблемые законы нравственности. Конкретная, реальная жизнь человека и его «потустороннее» существование в вечности находятся в повести «Рок» в своеобразной бинарной оппозиции. Оппозиция «земное/вечное» находит свое продолжение в противопоставлении жизни и смерти, живого и мертвого, дня и ночи, земли и неба, луны и солнца, двух ведущих героев, их внутренних миров и внешних примет, а также домов, дворовых построек, огородных участков и т. д. Ключевые мотивы художественного мира произведения рождают определенный ассоциативный ряд, восходящий к архаическим образам. В результате с каждым из этих образов-знаков, введенных в текст, связано множество мотивов: с полнолунием – мотив оживления и активных действий всякой нечисти; с воротами, на которых не может повеситься Оберьян, – мотив границы между своим и чужим пространством, между жизнью и смертью; с калиткой, ведущей в огород, – также мотив противопоставления «того» и «этого» миров; березу можно рассматривать как вариант мифического «древа», посредством которой душа замученного узника Васyleя общается с Оберьяном. Диалог с призраком Павол Зинки, также сгинувшей вместе с голодными детьми из-за горстки зерна, происходит в погребке, под землей. Пространство это в народном творчестве традиционно противопоставлено земному и небесному. В разговоре героя с мертвыми обобщена идея родовой связи, от которой он отказался.

Писатель, рисуя картины детских лет героя, использовал художественный прием передачи его характера посредством ассоциации внутренних движений персонажа с повадками волка. Образ волка (кион) в удмуртской мифологии имеет различные значения, наиболее распространенное отношение у удмуртов к волку отрицательное: скопление волков в окрестностях деревни предвещало войну, вой волков пророчествовал голод, смерть или другую беду. Возможно, такое представление о волке имеет более позднее происхождение, чем тотемический культ волка. Повесть Никвлада Самсонова «Рок» – один из литературно-художественных примеров самобытного отражения мифологического сознания, предопределяющего возникновение новых отношений между литературой и фольклором, возможность наибольшего самовыявления национального начала.

Мифологические мотивы в современной удмуртской литературе являются своеобразным способом и средством вхождения прозы в сферы философской мысли. Слияние художественной мысли с мыслью философской при активной разработке фантастических сюжетов с условными и символическими значениями, отражающими мифологические представления удмуртского крестьянства, наблюдается

в произведениях О. Четкарева (1955). В структуре его повести «Сиз да голубь» сплелось несколько повествовательных пластов, развертывающихся параллельно и как бы одновременно: история жизни Конди (Кондрата), главного героя повести; судьба голубки Сизарки; жизнь верующей старушки Кирловны; линия раздумий автора о поисках истины, Бога; сны и галлюцинации, воспоминания и реминисценции. Согласно удмуртской народной традиции, и уже воплощенной в национальной литературе (Г. Красильников, Р. Валишин и др.), мужчина должен построить дом, посадить дерево, вырастить сына. С первых же страниц повести О. Четкарева перед читателем герой, у которого не сложились отношения с окружающим миром, национальными традициями. В сознании, нравственно-этических, жизненных исканиях героя особое место занимает образ его родной деревни Бельчихи, который многопланов и многогранен. Писатель изобразил деревню и конкретно, как личное земельное пространство героя, и как символ мироздания. Это и «память» предков, и родина героя, и земля-мать – источник всего живого, воплощение народной общности и мудрости. Символическая Бельчиха является сакральным пространством, в котором малая родина героя сливается с большой, она равна миру. В восприятии героя деревня наделена личностным началом, у него подлинно человеческое ее чувство, ощущение.

Возвращение героя в родную деревню происходит в ирреальном, или фантастическом пространстве. Герой пролетает над умирающей Бельчихой. В обобщенно-символической форме автор представляет читателю страшную картину последствий разрушительных реформ – гибели российской деревни, пожираемой всякой нечистью. Бессмысленные опыты и эксперименты над крестьянством приводят не только к истреблению отдельных деревень, но и к исчезновению всего народа – рода Шудья, рода Ватка, Калмез, Дукья, Омга, Пельга, Эгра и т. д. Продолжает и развивает эту проблематику символика Дерева. Надо повторить, что постоянно возникающий и варьирующийся образ дерева – факт не случайный в удмуртской литературе. О. Четкарев, используя устойчивый образ дерева, как и другие писатели, стремится создать в своей повести определенный ряд символов и аллегорий. Символика космического или мирового Дерева, воплощающая в повести древнюю историю народа, несет в себе идею необходимости восстановления связи времен, возрождение традиционных ценностей, не подлежащих переоценке. Как вечно будет стоять Древо жизни народа, Древо деревни зависит сегодня от каждого удмурта.

В творчестве О. Четкарева отражены различные ситуации дисгармонии как вне, так и внутри человека. В этом плане весьма показательным является раздвоение героя, обусловившее своеобразную структурную организацию повести. Раздвоенность, двойничество, раздвоение, двое в одном, оборотничество – мотив сквозной в мировой литературе и в фольклоре. Раздвоение четкаревского героя проявляется как в характере персонажа, так и через изображение его полетов, сновидений, кошмаров, путаных и «диких» мыслей.

В повести параллельно с героем воспроизведена жизнь голубки Сизарочки. Образ голубя архетипичен. В удмуртском фольклоре голубь – птица, почитаемая людьми как священная, Божье существо, выступающее символом всего народа.

«Дыдые, дыдыке!» («Голубушка!»), – такими словами удмурты до сих пор называют любимую девушку, женщину, продолжательницу человеческого рода. Это может быть и ребенок, но в особенности такого обращения удостаивается единственная в семье дочь. Голубь означает также семейный лад и согласие в роду. В символе четкаревского голубя сошлись тотемические, языческие, христианские, современные представления народа.

Оценивая повесть О. Четкарева «Сиз да голубь», некоторые критики и литературоведы ставят ее в один ряд с писателями-абсурдистами. Однако, за образом разрушенного мира у Четкарева угадывается вера автора в будущее нации. Раздвоения и полеты Конди, включая в себя разлад героя с собой и окружающим миром, одновременно означают и то, что человек еще не выявил глубинные основы своей души. Пути обретения спокойствия духа и мира в душе воплощаются в другой повести О. Четкарева «Петля». Главным рассказчиком становится вышедшая из тела душа подростка, который, в состоянии полного отчаяния, накинул на себя петлю. Образ души многозначен, так как текст написан метафорично, в нем много фантастических и фольклорных мотивов, символично-философских обобщений. Душа с легкостью переходит из земного, реального мира в загробный, из настоящего в прошлое и будущее, видит и читает мысли людей, предсказывает их будущее, переносится в область существования, где происходит Богоявление. В художественном мире повести божественная сила предстает в проявлении небесного света, некой святой огненной энергии природы. Соприкосновение со святым становится для героя и потрясением, и одновременно исходным пунктом восстановления надломленного внутреннего мира. Герой переосмысливает не только ситуацию, связанную с самоубийством, но в нем пробуждается ответственность за свои поступки, за умерших родителей, за весь свой род, за мир.

Еще один аспект представлений писателя о человеке, покинувшем родную деревню, раскрывается в романе «Расколота луна». В произведении параллельно развиваются две истории, одна связана с космической катастрофой, в основе другой – события из семейной жизни героя. В романе поднимаются вопросы мирового, вселенского масштаба. Необходимо заметить, что разработка такого рода «галактической» проблематики – явление непривычное для удмуртской литературы.

Если рассматривать все три произведения О. Четкарева – «Сиз да голубь», «Петля» и «Расколота луна» – как целостную художественную систему, объединенную общим типом героя, можно говорить о библейском образе-мотиве блудного сына в творчестве этого писателя. Говорить о прямой трансформации данной архетипической схемы в художественной системе О. Четкарева не приходится. И все же, имея в виду то, что мифопоэтический мотив блудного (беглого) сына стал в мировой культуре одним из самых продуктивных, можно допустить осознанное или неосознанное влияние этого широко распространенного сюжета на мироощущение О. Четкарева.

Анализ произведений О. Четкарева и Никвлада Самсонова показывает, что обращение удмуртских писателей к приемам условности, метафоричности, многозначности дало им возможность расширить, обновить традиционную для удмуртской литературы «деревенскую» тематику, позволило осмыслить актуальные про-

блемы современности в философском аспекте. Это делает картину мира в национальной прозе по-новому объемной и сложной, представляя человека в его все-сторонней обусловленности природой, средой, историей, памятью.

В завершающем параграфе **«Удмуртская проза между национальным и массовым. Философия мира и человека в поздней прозе Г. Перевощикова»** осмысливается проблема сосуществования в современной литературе различных по своим социокультурным характеристикам художественных практик, определяются перспективы их развития. Важное значение в литературе приобретает проблема переходных форм, относящихся к явлениям промежуточной эстетической природы. В литературном процессе 1990-х годов начинает играть существенную роль обращение писателей к негативным сторонам действительности. Пугающе темные стороны народной жизни предстали в повестях и рассказах В. Агбаева «Оторопелая утка», «Обнаглевшие парни», Р. Игнатъевой «Плод греха», «Среда – день родителей», К. Ломагина «Кровь», Г. Мадьярова «Заброшенный цветок», «Черный италмас», Н. Никифорова «Земляника зреет в мае», «Гулящая», «Опьянение от свободы», Л. Нянькиной «Последние деньги» и др. Впервые по отношению к произведениям удмуртской литературы, отзывающимся на современную проблематику, стали применимы такие определения изображенного мира, как «дно жизни», «перевернутый мир», «жесткий реализм» и др. В произведениях этой направленности по-своему проявились натуралистические тенденции, сопоставимые с поисками национальной прозы 1920–1930 годов.

Обращаясь к теневому материалу, наши авторы чаще всего делают «человеком дна» городского удмурта, оставшегося без работы. Отсюда основные черты литературного героя эпохи безвременья – душевное одиночество, безысходность, отчаяние. В общем процессе вызревания художественных предпосылок для дальнейшего развития литературы практика расширения ее социального кругозора имела существенное значение. Нарастивая и развивая пафос художественного исследования малознакомых пластов социальной структуры современного общества, проза обнаружила несомненные сдвиги в сторону более свободных жанровых образований, обратилась к формам массовой литературы. Вопрос, как назвать, как обозначить эту ветвь национальной прозы, остается в удмуртской критике и литературоведении открытым. Если русская массовая литература развивается в определенной системе специфических для нее жанров (например, детектив, фэнтези, триллер, любовный роман, женский роман и т. д.), то в удмуртской литературе классификация жанров не отработана, не развит и порядок ориентиров, что имеет в эстетическом плане скорее положительное, чем отрицательное значение, поскольку позволяет писателю балансировать на грани двух и более жанровых систем, обращаясь к разным типам читателя одновременно.

Анализ произведений позволяет говорить, что удмуртская беллетристика уходит своими корнями в национальные культурные традиции, так как наши авторы стремятся создать романы и повести, отвечающие, прежде всего, вкусам и образу мира удмуртских читателей. В абсолютном большинстве случаев удмуртские беллетристы являются выходцами из той же «массовой» среды, для которой пишут и на которую ориентируются: Г. Мадьяров – живет в деревне; В. Агбаев – работает на

заводе; Р. Игнатъева – инвалид, домохозяйка; К. Ломагин – бывший военный, пенсионер.

Своеобразный синтез «законов» любовного, социально-бытового, приключенческого романов с элементами детектива и традиций фольклора представляет собой повесть К. Ломагина (1933) «Кровь». Писатель осваивает правила и образ жизни новой удмуртской прослойки, главным героем повести является «деловой» милиционер Алексей Пахомов, неоднократно побывавший в Чечне по долгу службы, впоследствии ставший «оборотнем в погонах». В повести есть пласт культурно-исторический, богатый антураж национальной жизни, зримо представлены приметы, обычаи и нормы поведения людей, до настоящего времени бытующие в народной среде: отбор бревен для постройки бани; жертвоприношение курицы как обряд поминания человека, могила которого не известна; дарение носового платка с вышитыми на нем символическими знаками; трактовка снов и т. д. Составляющая примета повести «Кровь» – применение символического цвета, особенно часто здесь встречается черный цвет. Например, герой ходит в черных очках; бандиты одеты в черную одежду; идя на встречу с бандитами, молодая женщина берет с собой черную сумку, покупает черную курицу и т. д. В народной традиции черный цвет выражает негативное начало и является символом тьмы, пустоты, смерти и т. д. В произведении также часто встречаются магические цифры три, семь, тринадцать.

Структура главного персонажа повести во многом соответствует структуре сказочного персонажа. Герой действует как бы в двух плоскостях: в кругу друзей (мир) и в мире преступников (антимир), что осмысливается автором и как своеобразное оборотничество героя. Антимир повести очень похож на антимир удмуртской бытовой сказки. Автор часто прибегает к образу ямы, который приобретает определенную символичность. Яма – это своеобразное мифологическое пространство, представляющее собой пограничное положение между реальным и потусторонним мирами. В некоторых жанрах удмуртского фольклора яма может быть входом в царство мертвых, здесь обитает нечисть. В подполье дома Пахомова вырыта яма с двойным дном, являющаяся одновременно и своеобразным тайником, и приютом. В яме у героя находятся привезенные с войны драгоценности и тут же прекращаются преследующие его различные видения и кошмары, также связанные с войной. Получается, что герой повести Пахомов – полумертвец, полуживой человек. Значимым символом, подчеркивающим отрешенность и нелюдимость героя, выступает также образ высокого забора, за которым находится дом Пахомова. Ограда прочерчивает границу между героем и остальным миром – светлым и свободным. Кроме этого, половина его дома «вкопана» в гору, что ассоциируется с надмогильным холмом.

С именем Н. Никифорова (1954–2005) в современной удмуртской литературе связаны художественные поиски в области фантастических и мистических жанров. В авторском сознании «переварены» заговоры и проклятия, бытовые суеверия и колдовская магия, пословицы и поговорки, представляющие собой своеобразное сочетание древнего мироощущения человека с современными наслоениями. Для сюжетообразования его повести «Коршун, приносящий несчастье» важ-

ными оказываются такие мотивы, как тайна рождения героя, нарушение запрета родственницей героя, свершение магических действий, приобретение сверхъестественных способностей, помощь мифологического существа.

В характеристиках героев повести просвечивают функции сказочных персонажей. Более всех с мифологическими корнями связан образ старого Онтипа, которого в деревне считают колдуном. Старик накрепко связан с миром духов, в его действиях могут проявляться и силы добра, и дело дьявола. В древней удмуртской мифологии есть такой вид испытания героя, когда человек за почитание им лешего, водяного, домового или другого хранителя получает неожиданную волшебную помощь. Удмуртские мифологические персонажи в целом ряде сказок могут вступать с человеком в различные дружеские и родственные связи, вызволить его из беды. Так и в повести Н. Никифорова выяснить тайну рождения близнецов удается с помощью знахаря, его особых знаний о мире и умения перевоплощаться. Из фольклорного мотива соотношения силы человека и сверхъестественной силы демонического существа писатель выбирает животворящий вариант.

В рамках «периферийной» области литературы происходит развитие «новой фазы» в творчестве и такого крупного прозаика, как Г. Перевошиков. В художественном осмыслении жизни людей, оказавшихся «на дне», писатель не избежал просчетов («Белая ворона», «Щепка»). Но у этого прозаика появляется новый герой с иным кругозором и мироощущением. В основе его повести «Узы сяськаян вакытэ» («В пору цветения земляники», 2002) и рассказа «Палэсмурт» («Леший», 2002) лежит коллизия роковой жизненной ошибки интеллигента, оставшегося один на один со своей совестью, воспринимающего мир обостренно, порой почти гипертрофированно. В повести «В пору цветения земляники» актуальные вопросы современности и национальная тематика получают нравственно-философское осмысление. В основу произведения положена история семьи, которая представлена автором в «обратном порядке». Ее поэтика обнаруживает особенности известного в мировой литературной практике романа «подведения итогов». Герой повести Юрий Сергеевич Назаров – представитель элиты технической интеллигенции республики. Обращаясь к пограничной ситуации *жизнь/смерть*, в которой оказался герой, писатель рассматривает ее в аспекте не только вины человека, но и его беды. Когда-то молодой и честолюбивый герой не понял и не простил ошибки своей жены, выгнал ее из дому, обрек на нищету и неприкаянность. Традиционно (и до сих пор) женщина в удмуртской семье занимает главенствующее положение. Она «хранительница очага», а вместе с тем – чести, достоинства и репутации всей родословной. Писатель видит серьезную опасность для будущего своего народа в том, что внутренне надорванная женщина перестала быть нравственной и духовной опорой семьи. По мысли писателя, источником нравственного противостояния народа трагическим обстоятельствам истории во все времена были именно устои семьи, крепящиеся женщиной изнутри и обороняемые мужчиной извне.

В изображении внутреннего конфликта героя и страданий его души Перевошиков обращается к общезначимым принципам литературы философского направления: несобственно-прямая речь, внутренний монолог, поток сознания, сопряжение в едином сюжетно-композиционном построении разных временных пластов, пере-

ключение художественного повествования из плана житейски-бытового в план абстрактно-символический. Отказавшись от жестких правил удмуртского синтаксиса, писатель придает большое значение ударно-смысловому слову фразы, что позволяет ему выразить то медлительность, то торопливость речи персонажа, сделать фразу прерывистой, короткой, создавать неожиданные ассоциативные связи.

Таким образом, удмуртская проза второй половины XX века являет многослойную картину жизни общества и народа, отражает широкий спектр художественных поисков, связанных, прежде всего, с кристаллизацией концепции человека. Сегодня литература выдвигает идею народного самосознания как опоры для выхода из кризиса современности, совершенствования духовного мира человека на основе сохранения основополагающих национальных ценностей. Напряженно и пронизательно вглядываются наши писатели в проблемы народной жизни, стремятся восстановить распавшуюся связь времен общими творческими усилиями, достичь синтеза национального с общечеловеческим.

В заключении подводятся итоги исследования, делаются обобщающие выводы, которые явились основой положений, выносимых на защиту.

Содержание работы отражено в следующих публикациях:

Монографии, сборники научных статей

1. Зайцева, Т. И. Идеал и реальность: Герой и конфликт в художественной литературе народов Поволжья и Приуралья (50–80-е гг.). – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. – 128 с. 8,44 п.л.

2. Зайцева, Т. И. Современная удмуртская проза (1980–2000-е гг.): научное издание. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2006. – 174 с. 11,21 п.л.

3. Зайцева, Т. И. Удмуртская проза второй половины XX – начала XXI века: национальный мир и человек: Монография. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. 376 с. 22,2 п.л.

Статьи, опубликованные в реферируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК

1. Зайцева, Т. И. Современная удмуртская мемуарно-биографическая проза: художественные особенности и тенденции развития // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2006. – № 5. – С. 164–173. 0,6 п.л.

2. Зайцева, Т. И. Генрих Перевошиков и современная удмуртская проза: суть перемен // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 2(2). – С. 121–124. 0,4 п.л.

3. Зайцева, Т. И. Современная удмуртская проза и фольклор: особенности взаимодействия, национальная специфика // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – № 8. – С. 176–185. 0,48 п.л.

4. Зайцева, Т. И. Духовная проза М. Г. Атаманова как явление современной удмуртской литературы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. – 2008. – № 10 (34). – С. 202–205. 0,37 п.л.

5. Зайцева, Т. И. Современная проза Удмуртии: между национальным и массовым // Известия Уральского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. – 2008. – Вып. 16 (№ 59). – С. 226–236. 0,75 п.л.

6. Зайцева, Т. И. Документальная основа современной удмуртской прозы // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Филология. – 2008. – № 4. – С. 39–42. 0, 46 п.л.

7. Зайцева, Т. И. Почерки новой эпохи: о повести удмуртского писателя Г. Красильникова «Остаюсь с тобой» // Филология и человек. – 2009. – № 3. 0,4 п.л.

Научные публикации в других изданиях

1. Зайцева, Т. И. Характер и конфликты в современной прозе литератур народов Поволжья // Проблемы творческих связей удмуртской литературы и фольклора: Сб. статей. – Устинов: НИИ при СМ УАССР, 1986. – С. 140–160.

2. Зайцева, Т. И. Конфликт в современном удмуртском рассказе // Малые жанры прозы в литературах народов Поволжья и Приуралья: Сб. статей. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1989. – С. 84–105.

3. Зайцева, Т. И. Улонлэн ошмес синэз = [Родник жизни] // Вордскем кыл. – 1993. – № 4. – С. 30–36. (на удм. яз.).

4. Зайцева, Т. И. Шедьтон но ыштон = [Обретения и потери] // Вордскем кыл. – 1994. – № 3. – С. 12–16. (на удм. яз.).

5. Зайцева, Т. И. Prose of a «new wave» // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyväskylä. 10. – 15.8.1995. Pars II. Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factarum. Jyväskylä, 1995. P. 278.

6. Зайцева, Т. И. Удмуртская проза «новой волны» // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Jyväskylä. 10. – 15.8.1995. Pars VII. Litteratura. Archaeologia. Anthropologia. Jyväskylä, 1996. P. 239–243.

7. Зайцева, Т. И. Туала литература сярысь малпанъёс = [Размышления о текущем литературном процессе] // Кенеш. – 1997. – № 1. – С. 12–14. (на удм. яз.).

8. Зайцева, Т. И. Возвращаясь к писателю. (К проблеме эволюции творчества С. А. Самсонова) // Удмуртская литература XX века: направления и тенденции развития: Учеб. пособие. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 1999. – С. 207–216.

9. Зайцева, Т. И. Лыдзись но критика = [Читатель и критика] // Вордскем кыл. – 2000. – № 3. – С. 68–69. (на удм. яз.).

10. Зайцева, Т. И. Современная удмуртская детская проза // Материалы II-й Всероссийской научной конференции финно-угроведов «Финно-угристика на пороге III-го тысячелетия» (филологические науки) 2–5 февраля 2000 г. / Правительство республики Мордовия, МНИИЯЛИЭ, МГУ им. Н. П. Огарева, МГПИ им. М. Е. Евсевьева: Редкол. М. В. Мосин (отв. ред.) А. С. Алямкина, Д. В. Цыганкин и др. Саранск: Тип. «Крас. Октябрь», 2000. – С. 395–397.

11. Зайцева, Т. И. Udmurtische Literatur Ende des XX Jahrhunderts und ihre Leser (auf dem Material der Prosa) // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7. – 13.8.2000. Tartu. Pars III. Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factarum. Folkloristica. Ethnologia. Litteratura. Archaeologia. Antropologia. Genetica. Tartu, 2000. P. 290.

12. Зайцева, Т. И. Удмуртская литература конца XX века и ее читатель (на материале прозы) // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7 – 13.08.2000. Tartu. Pars VIII. Dissertationes sectionum: Litteratura. Archaeologia. Antropologia. Genetica. Acta Congressus. Tartu, 2001. P. 237–241.

13. Зайцева, Т. И. Ас вакытэзлэн пиез. Семён Самсоновлы – 70 = [Сын своего времени. Семёну Самсонову – 70] // Кенеш. – 2001. – № 8. – С. 50–54. (на удм. яз.).

14. Зайцева, Т. И. Олег Четкарёвлэн гождьяськон амальёсыз пумысен коня ке малпанъёс = [Некоторые размышления о писательской манере Олега Четкарева] // Первой удмуртской грамматике 225 лет: Сб. статей. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2002. – С. 138–141. (на удм. яз.).
15. Зайцева, Т. И. Эволюция читательских и критических оценок романа Г. Красильникова «Начало года» // Движение эпохи – движение литературы. Удмуртская литература XX века: Учеб. пособие / Под ред. Т. И. Зайцевой и С. Т. Арекеевой. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2002. – С. 129–145.
16. Зайцева, Т. И. Боль писателя (о книге Никвлада Самсонова «Мой дом выше твоего») // Движение эпохи – движение литературы. Удмуртская литература XX века: Учеб. пособие / Под ред. Т. И. Зайцевой и С. Т. Арекеевой. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2002. – С. 197–202.
17. Зайцева, Т. И. К проблеме изучения современной удмуртской литературы в вузе // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: История и современность: Материалы региональной научно-практической конференции. Глазов: Глазовский гос. пед. институт, 2002. – С. 76–78.
18. Зайцева, Т. И. В. Котковлэн творчествоез = [Творчество В. Коткова] // Вордскем кыл. – 2003. – № 9. – С. 63–67. (на удм. яз.).
19. Зайцева, Т. И. Особенности авторского присутствия в современной удмуртской прозе // VI Российская университетско-академическая научно-практическая конференция: Материалы докладов. / Отв. ред. В. А. Журавлев. Ижевск: Удмуртский государственный госуниверситет, 2003. – С. 197.
20. Зайцева, Т. И. Эстетические возможности современной удмуртской прозы // Языки и литературы народов Горного Алтая. Международный ежегодник – 2003 / Под ред. А. А. Чувакина. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2004. – С. 97–106.
21. Зайцева, Т. И. Художественные особенности русской литературы Удмуртии // Русское литературоведение в новом тысячелетии. Материалы III-й Международной конференции «Русское литературоведение в новом тысячелетии». В 2-х т. Т. 2. М.: Издательский дом «Таганка» МГОПУ, 2004. – С. 322–324.
22. Зайцева, Т. И. 90-ти аръёсыз удмурт проза. Сое эскерон ужпумъёс = [Удмуртская проза 1990-х гг. Проблемы ее изучения] // Вордскем кыл. – № 7. – 2004. – С. 62–66. (на удм. яз.).
23. Зайцева, Т. И. Журналы и развитие художественной литературы // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: Материалы межвузовской научно-практической конференции / Под. ред. В. И. Конькова. СПб.: Роза мира, 2004. – С. 370–372.
24. Зайцева, Т. И. Современный облик удмуртской прозы: верность традиции и чувство нового // Urálistikai tanulmányok 14. Permiek, Finnek, Magyarok. Írások Szij Enikő 60. születésnapjára. Budapest: ELTE Finnugor Tanszék, 2004. – S. 521–525.
25. Зайцева, Т. И. Переключка времен. Размышления о литературном творчестве отца Михаила // С верой, надеждой, любовью. Ижевск: Удмуртский государственный университет. 2005. – С. 58–64.
26. Зайцева, Т. И. Осмысление современной удмуртской литературы как системы // Г. Д. Красильников и тенденции развития прозаических жанров в национальных лите-

ратурах Урало-Поволжья: Сб. статей / Сост. В. М. Ванюшев, Г. А. Глухова; отв. ред. В. М. Ванюшев. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2005. – С. 104–108.

27. Зайцева, Т. И. Современная удмуртская проза. К проблеме читательской направленности текста // Тезисы секционных докладов X Международного конгресса финно-угроведов: Фольклористика и этнология. Литературоведение. Археология, антропология, этническая история: III часть. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2005. – С. 156–157.

28. Зайцева, Т. И. Мифопоэтическая традиция в современной удмуртской прозе // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2005. – С. 322–324.

29. Зайцева, Т. И. Ценностные ориентиры удмуртской прозы в условиях глобализации // Коми-пермяки и финно-угорский мир: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Кудымкар: Алекс-Принт, 2005. – С. 251–253.

30. Зайцева, Т. И. Современная удмуртская проза: трансформационные процессы в условиях глобализации // Россия – Азия: становление и развитие национального самосознания: Материалы международной научной конференции (21–24 июня 2005 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2005. – С. 79–81.

31. Зайцева, Т. И. Психологизм прозы В. Ар-Серги // Арт. – 2005. – № 4. – С. 129–140.

32. Зайцева, Т. И. Вужез но вылез туалы прозаын = [К вопросу о традиции и чувстве нового в современной прозе] // Вордскем кыл. – 2005. – № 11–12. – С. 29–31. (на удм. яз.).

33. Зайцева, Т. И. Удмуртская проза // Удмурты. / Сост. З. А. Богомоллова. М.: ГОЛОС-ПРЕСС, 2005. – С. 340–346.

34. Зайцева, Т. И. Жанровая специфика современной удмуртской литературной сказки // Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога: Материалы I Межрегиональной конференции и VII Международной школы молодого фольклориста. Ижевск, 23–26 октября 2005 г. / Отв. ред. В. М. Гацак, Т. Г. Владыкина. Ижевск: АНК, 2006. С. 316–321.

35. Зайцева, Т. И. Типы и образы героев в современной удмуртской прозе // Международная научная конференция «75 лет высшему образованию в Удмуртии»: Материалы конференции: Ч. 1. Гуманитарные науки. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2006. – С. 224–226.

36. Зайцева, Т. И. Художественное своеобразие современной удмуртской прозы // Литература Урала: история и современность: Сб. статей. Вып. 2. Материалы Всероссийской научной конференции «Литература Урала: проблема региональной идентичности и развитие художественной традиции», Екатеринбург, 5–7 окт. 2006 г. Екатеринбург: УрО РАН; Издательский дом «Союз писателей», 2006. – С. 164–171.

37. Зайцева, Т. И. Udmurttilainen nykuproosa: ongelmia, etsintöjä, löytöjä // Carelia. – 2006. – № 8. – S. 113–118.

38. Зайцева, Т. И. Маргинальный герой Олега Четкарева: традиционная основа и изменение эстетического кода // Вестник Удмуртского университета. Филологические науки. – 2007. – Вып. 1. – № 5. – С. 115–122.

39. Зайцева, Т. И. Удмуртская проза о природе, детстве и экологии // Продвижение имиджа регионов России (Продвижение имиджа Удмуртии: опыт и перспективы): Материалы международной научно-практической конференции 1–2 ноября 2007 г.: В 2 ч. Ч. 1. / Отв. ред. Г. В. Мерзлякова. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2007. – С. 218–224.

40. Зайцева, Т. И. Улэп кылъёслэн шокамзы = [Дыхание живых слов] // Кенеш. – 2008. – № 1. – С. 90–93. (на удм. яз.).

41. Зайцева, Т. И. Современная удмуртская повесть // Девятая Российская университетско-академическая научно-практическая конференция: Материалы конференции / Отв. ред. Н. И. Леонов. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2008. – С. 44–45.

42. Зайцева, Т. И. Современная удмуртская проза. К проблеме читательской направленности текста // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов: Литературоведение, фольклористика и этнология: VII часть. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2008. – С. 53–56.

43. Зайцева, Т. И. Современная удмуртская литература и ее критическое осмысление // Проблемы филологии народов Поволжья: материалы Всероссийской научно-практической конференции (19–21 марта 2009.) / Отв. ред. А. Т. Сибгатуллина. – Вып. 3. – М.–Ярославль: Ремдер, 2009. – С. 81–84.

Учебные и учебно-методические пособия

1. Зайцева, Т. И. Современный удмуртский литературный процесс: Методические рекомендации к учебному курсу. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2007. – 48 с. 2,81 п.л.

2. Зайцева, Т. И. Литература народов России: Учебно-методическое пособие / Р. З. Хайруллин, Т. И. Зайцева / Отв. Ред. Т. И. Зайцева. 2-е изд., доп. и перераб. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2007. – 76 с. 4, 42 п.л.

3. Зайцева, Т. И. Удмуртская литература в 1970–2000-е годы: Учебно-методическое пособие / Т. И. Зайцева, В. Л. Шибанов. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2008. – 136 с. (на удм. яз.). 5, 31 п.л.